

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВ

ГРИБНИК

ДЕТЕКТИВ

Михаил Васильев

Грибник

«Издательские решения»

Васильев М.

Грибник / М. Васильев — «Издательские решения»,

Герой романа — скромный библиотекарь в большом петербургском театре, при этом он занят странным ремеслом на безлюдных островах Ладожского озера. И еще в театре происходят события, будто придуманные кем-то, начитавшимся детективных романов. Герой оказывается втянутым в них, он ощущает себя детективом. Новым Холмсом или Пуаро. Но финал и для него, и для читателя станет неожиданным. Герой ощущает, что вокруг не детектив, не книжный мир, а реальность, где правят жестокость, зависть и страх.

© Васильев М.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1 На Ладоге	6
Глава 2 Последний выходной	13
Глава 3 Его жизнь в театре	25
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Грибник
Детектив
Михаил Васильев

© Михаил Васильев, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1 На Ладоге

Совсем небольшой ладожский островок, заросшая мхом скала с десятком сосен. Дикое, глухое, неинтересное никому место. Удивительно, но на нем, кажется, кто-то появился. По острову с непонятной на таком маленьком пространстве скоростью торопливо двигался, скользил на камнях невысокий сухой человек, лет тридцати пяти, в очках, ватнике и резиновых сапогах. Оказалось, он собирал здесь грибы – необычное занятие в апреле. Ко всему, заметно, что этот непонятный грибник неестественно удачлив. У костра, а точнее, подоженной старой кабельной катушки, штабелем стояли несколько плоских ящичков, наполненных грибами: вешенкой и сморчками.

Вверху на дереве каркнула ворона, непонятно зачем она забралась сюда. Станный грибник, торопливо срезавший с сухого дерева живую грибную плоть, поднял голову, уставился на нее. Звали его Артуром Башмачниковым, и являлся он человеком неопределенных занятий из Петербурга.

Холодные грибы скрипели, изо рта грибника валил пар. С привычной ловкостью тот срезал своим ножом, сделанным из укороченного финского штывка, вешенки с, покрытых лишайником, сухих мертвых стволов. Молодые, полупрозрачные, похожие на белые цветы и более пожилые, мясистые, сизого цвета. Грибы кидал в одну кучу, рядом с ящичками, будто картошку в поле. Лезвие ножа блестело в сумерках, как осколок зеркала. Нашаривал в густеющей темноте знакомые на ощупь сморщенные головы сморчков, безошибочно отличал их от враждебных строчков. Под ногами ощущались пружинистые кочки, мох, так похожий на сильно грязный ковер. Теперь затопленный соседом сверху, да еще и припорошенный снегом. Среди покрытой инеем хвои виднелись розовые шарики оттаявшей прошлогодней клюквы. Две прозрачные ягоды морошки лежали прямо на сморщенной шляпке строчка. Морошка растеклась во рту и исчезла каплей кислой воды.

В руках – нежная, причудливо изготовленная плоть, растительность, пришедшая из микромира. Горько пахло дымом. Один высокий и густой куст, кажется, рябины, загорелся. Стало светлее.

На фоне солнца, висящего над горизонтом, на берегу Ладоги виднелись черные силуэты деревьев и труба котельной детского лагеря отдыха. Его здесь по-прежнему, на старинный лад, называли пионерским. В стороне на берегу пульсировала белая огненная точка. Артур знал, что это вовсе не упавшая на землю звезда, а пламя далекого ацетиленового резака.

Там возле деревни Осиновое местный житель, старик Венька, «доедал» колхозный сейнер – резал на металлолом брошенное хозяйство умершего рыбколхоза. Металлолом он потом на мотоцикле отвозил в Сестрорецк.

Появился ярко освещенный изнутри теплоход, идущий к Валааму. В сумерках названия на борту различить уже нельзя, но грибник знал, что это «Святая Русь».

Стало слышно, как там играет музыка. Он узнал мелодию и теперь угадывал неразличимые издалека слова:

Видишь море, как живое,
Серебрится под луною...
Неужели никогда я не увижу тебя вновь?

Вокруг ничего похожего на Сорренто. Вот стали видны только три ярких кормовых огня теплохода. Оказывается, совсем стемнело.

На вершине дерева ворона каркнула что-то как будто матерное, по-своему, по-вороньи. Оказывается, до сих пор не улетела, сидела здесь, глядела. Показалось, что она торопит грибника, и тот послушно заспешил, засуетился.

Оказалось, катер у Артура неожиданно новенький, явно дорогой. Кажется, финский «Сильвер Морено». Хотя выглядел он здесь слегка неуместно: по-южному, по-пляжному легкомысленно и так неэлегантно был загружен ящиками с грибами.

«Ну, все! Отхалтурено», – выговорил он.

Это были первые внятно произнесенные им в этот день слова. Ощутил под руками шершавую пластмассу руля. Между деревьями удалявшегося острова, в его глубине догорал костер.

Давно погас путеводный огонь дальней ацетиленовой горелки. Артур шел точно на трубу котельной. По карте на этом маршруте подводных камней не предполагалось – этого больше всего приходилось опасаться на Ладоге.

«Усталым Хароном возвращаюсь из блаженных грибных садов».

На берегу, на розовом ясном фоне вечернего неба стала видна плоскодонка старика Веньки. Сам Венька неуклюже перебирался с лодки на берег. С коротким торсом и длинными руками и ногами, сейчас похожий на кузнечика. Рядом возникла еще одна тень, непонятно чья. Театр теней. Вот они замерли, перестали двигаться.

– Эй, Грибник! – окликнули оттуда. Здесь у Артура с дедом существовала общая кличка. Оба они считались Грибниками, но теперь он остался Грибником единственным. В единственном числе. – И как жизнь? – Традиционный вопрос.

– Ничего, терпимо, – отозвался он. – Только кооператива нашего не стало, – добавил, подумав. – Из всех наших один я остался.

«Вот, дед умер, да тут еще эта налоговая...» – подумал он. Здесь об этом знали. Давно.

– Все там будем, для всех нас у бога одна статья заготовлена, – послышался другой голос. – Высшая мера. И амнистии не будет никому.

Оказалось, еще один деревенский, со странным для здешних мест именем Соломон. Несмотря на имя, самый, что ни на есть, русский. Значит, напросился к Веньке в помощники.

– Да, дед твой молодец был. Дельный мужик. Уважал его, – громко раздавалось над водой. Венька говорил раздельно, не торопясь. В солидных паузах мерцал, вспыхивая, огонь его сигареты.

«И все равно умер».

– А я-то сначала смеялся с них, когда они грибы сеять взялись, – опять послышался голос Соломона. Тот считал себя необыкновенно ловким, предприимчивым. Вечно сновал там, где намечалась прибыль, хотя эта прибыль в деревне чаще всего заключалась лишь в выпивке. – Мы видели, как ты с острова на остров перебираешься. Который день смотрим. Ну вот, думаем, у Артурки грибной сезон начался.

– Скоро Грибоедов приезжает, уже звонил кому-то из наших, деревенских, – заговорил Венька.

– Вся Ладога ждет, – добавил Соломон. Голоса слышались ясно и совсем отчетливо, как всегда над водой, хоть и остались далеко позади.

– Хорошо бы приезжал побыстрее, – отозвался Артур. – Пока холодно, и грибы мои не протухли.

Сейчас должна появиться дача, то, что он так называл. Артур совсем сбавил скорость и достал багор. Катер несло вперед почти по инерции.

– Для сохранности грибов могу в твою будку лед таскать, за особую оплату, мизерную. Двести рублей в день. Покупай – продаем! Зимой снег. Весной лед, – преувеличенно бодро звучал голос Соломона. Наверное, в предвкушении выпивки. А может, он уже выпил, возможно, будущая прибыль от продажи металлолома начинала пропиваться уже сейчас.

Разговор заканчивался естественным образом – катер относило дальше.

– А я, кстати, в театр поступил, – громко сказал Артур. Все время искал возможность сказать это. – Там стану служить, с понедельника выхожу.

Непонятно, услышали ли его сзади.

Теперь стало видно то, что они прозвали «дачей» – стоящий на сваях над водой недалеко от берега строительный, точнее, строительский когда-то, вагончик. Кажется, его еще называли бытовкой.

Когда-то хотели купить дом рядом, в Осиновом, но потом решили поставить эту вот бытовку. Ее, иронически сначала, а потом все серьезнее, по-будничному стали называть дачей. Считалось, что дача – явление временное, потом появится база посolidнее. Все должно было стать солиднее. Расшириться, укрупниться.

От вагончика к берегу, будто деревянная тропинка, шел пирс, узкий дощатый настил. Тоже на сваях. На них висели кранцы – старые автомобильные покрышки.

Сразу вернулась мысль, что когда-то все эти сваи сгниют окончательно, и дача осядет в воду. Артур не представлял, как подобное можно предотвратить. Это покойный дед умел ладить с твердыми, реальными предметами. Те покорно слушались его, и этот вагончик пока стоял, не догадывался, что деда уже нет.

За дачей и деревянными мостками образовался некий маленький затончик, в который падал редкий снег, не тонул, копился водяным салом.

Артур стоял на корме, грел руки о мотор. Внутри того что-то потрескивало, постукивало, остывая. Дорогой японский мотор. Артур не знал, что там, под кожухом, и не представлял, что станет делать, если тот внезапно сломается, да еще в такой глуши. Вернее, когда сломается, потому что производить технику больше некому.

Дед Артура был серьезным человеком на очень крупном судостроительном заводе. Главный крановщик – должность его называлась странно, но считалась очень и очень значительной. Только вот наступило время, когда на завод, как и на все вокруг, пришла катастрофа. Завод не устоял, а деда отправили на пенсию.

Очувтившись на свободе, тот сразу вырвался за город, на природу, о чем всегда мечтал. В те времена неожиданно обнаружилось, что рыбалка, а еще больше сбор грибов, приносят прибыль, немаленькую по тому времени. Никаких проблем со сбытом не возникало, грибы продавались в общем-то за любую цену, деньги в ту эпоху стремительно переставали быть деньгами. Эти грибы и эта рыба в самые трудные годы сильно поддержали их семью, большую по петербургским меркам – пять душ. Кроме деда, к рыбалке никто оказался не способен, зато вот сбором грибов занялись все. Это как-то перестало казаться отдыхом. Брат Денис называл их всех первобытными собирателями, племенем кроманьонцев. Но просто ходить по лесам с корзинкой – такое дед долго терпеть не мог. Он являлся человеком других масштабов. Постепенно соседям и знакомым сбывать их добычу уже стало проблематично. Все начало меняться.

Темнота в вагончике пахла грибами – насыщенный сырой запах. При свете спички Артур нашел, висящую под потолком, керосиновую лампу и зажег ее. Перед глазами на стене появилась карта Ленинградской области с воткнутыми в нее ножами и штыками. Целая коллекция грибных ножей и штыков, дед называл их гриб-ножи. В Кингисепп воткнут серп.

Все имущество тут на даче сдвинуто вперед, к двери. Большую часть вагончика занимали ящики с грибами, стояли штабелем до потолка. Под ногами ощущался пол, мягкий от грязи и растоптанной грибной трухи. В нижних углах дачи лежал лед, будто заменял здесь плитуса.

Да, все начинало меняться. И тогда, не вспомнить уже, сколько лет назад, Артуру пришла в голову мысль, а вдруг можно грибы выращивать. Сначала казалось, что это его личное великое открытие, но нет, быстро выяснилось, что существует, и давно, технология по выращива-

нию грибов. Грибного мицелия. Тогда Артур услышал это слово впервые. Дед, что всегда твердил о ничтожности их масштабов, взялся и быстро изучил теорию грибоводства. После этого решил провести эксперимент.

Они так удачно, как потом оказалось, принялись выращивать грибы на маленьких бросовых островах, таких полно на Ладожском озере. Маленьких и совсем крошечных, ничтожных, некоторые длиной всего в несколько метров. На них никто никогда не появляется, потому что там ничего нет и делать нечего.

Сколько потратили времени, объезжая эти мусорные островки! Тогда Артур назвал это открытием Грибного архипелага. – «Все сплошь надо засеять здесь какими-нибудь грибами», – делился тогда своими планами. – «Ни какими-нибудь, а самыми лучшими», – уточнял дед. – «Маслятами, рыжиками, – продолжал Артур. – Чтобы никаких ядовитых вокруг не росло. И чтоб, не глядя, любой гриб сразу в корзину. Как в раю».

Тогда они не знали, слабо верили в то, что из этого что-то получится. Все же открыли кооператив, переименованный потом в ООО «Кооператив «Мицелий», хотя в первые пару лет казалось, что затея не удалась. Грибов появлялось мало, но на поддержание заведения кое-как хватало, тем более, и расходов почти не было. На некоторых островах грибы зачахли, но на остальных постепенно стали расти. И вдруг гриб попер, будто очнулся. И с каждым годом все заметнее и заметнее. – «Триумф моей мысли», – говорил дед. Видал бы он нынешнее изобилие.

Свободный от грибных ящичков пятак пространства теперь окончательно забит скучившимся хламом. Дверь едва закрывалась, и проход к ней загородил большой, когда-то бильярдный стол на выпуклых резных ножках. В эпоху расцвета кооператива, в хорошие времена антикварный, а сейчас просто старый.

Под этим столом сейчас стояли канистры с «эмульсией» – водой с грибными спорами. Так она называлась в кооперативе, в «Мицелии» даже постепенно возникал свой особый сленг. Там же, рядом с канистрами – два пустых корпуса от старых мин, без зарядов и взрывателей. Когда-то считалось, что это гантели – некий их заменитель, паллиатив. Подарок черных копателей, в Петербурге, во дворе Артура и в окрестностях подобного народа жило много.

Артур снял резиновые сапоги и сейчас, сидя на древнем сундуке, растирал, жалел свои ноги.

– В деньги надо вкладывать деньги. А в грибы тоже грибы. Точнее, семена грибные. Вернее, споры. Период грибных корзинок заканчивается, – все повторял дед.

«Видал бы он эти грибные поля сейчас. Поле деятельности», – опять вернулась прежняя мысль.

И дела пошли. Наладились связи со скупщиками, серьезный сбыт. В столовые, кафе, всякие пиццерии. А потом появился самый большой и солидный, даже гигантский скупщик, русский эмигрант, живущий в Германии. Оказалось, «дикие русские грибы» стоили в Европе великие деньги. Тот объезжал берега Ладожского и, кажется, еще Онежского озер, скупал грибы в деревнях. Там ему и дали кличку Грибоедов.

Дело у этого Грибоедова тоже расширилось.

В кооперативе пошли вращаться большие деньги, непредставимые когда-то. В семье, в племени Башмачниковых кинулись тратить. Вошли во вкус, особенно маман и сестра, хотя дед лишние траты пытался пресекать.

Только деду денег не хватало. Их он вкладывал и вкладывал, купил катер, сначала старый, подержанный, а потом этот. Самый новейший и самый дорогой, с дизайном корпуса по собственному проекту. Со временем где-то в глубине бывшего дедова завода арендовали цех, там собирались установить оборудование для сушки и упаковки грибов. Где – этого Артур не знал. Не знал даже, успели ли купить это оборудование, хотя, какие-то деньги, вроде, за него перечислили. Далеким от этого Артур не вникал в подобные дела.

Дед научился выращивать зерновой мицелий, его они рассылали по почте. Но больше всего обещало сотрудничество с Грибоедовым, сбыт грибного урожая за границу.

Здесь перспективы открывались неограниченные. Прожорливая Европа могла, не замечив, поглотить все, что они выращивали на своем архипелаге. А грибов на нем становилось все больше. Каждый раз с наступлением нового сезона их количество поражало, шокировало. Но на следующий год возникал новый, еще более мощный шок. Среди камней и мха грибные шляпки торчали все гуще, плотнее. Никакие расходы не могли обогнать этот рост.

«Увеличение поголовья. А то и вовсе народонаселения». – Иногда он представлял себя повелителем какой-то грибной империи, принцем народа грибов. Племен рыжиков, подосиновиков и лисичек.

Он продолжал неподвижно сидеть в этой полутемной бытовке. Слишком здесь на грибных островах все по-настоящему. Грубо, холодно, сыро. Усталость, тяжесть, неприятные запахи. Утешением стала надежда на будущие деньги. Деньги как избавление от множества возникших за зиму проблем.

Какое счастье, отыскалась завалившаяся банка каких-то консервов. Ее Артур открыл, даже не посмотрев, что на ней написано. Банка грелась на стальной печке-буржуйке, сделанной из вентиляционного бронеклопака финского дота. Когда-то они с дедом, вдвоем, нашли такой на перешейке, тогда дед и решил сделать из него печку. Тяжело представить, как ему удалось это.

Резко запахло чесноком, в банке обнаружилась вареная фасоль, лобio – казалось, что за спиной стоит и дышит какой-то ханыга. Под грибными ящиками зашуршала мышь.

– Не шебурши, тебе не оставлю, – пробормотал Артур.

Печку надо побыстрее погасить, чтобы не разморозить грибы. Они здесь важнее его, важнее всего.

«Может быть, надуть матрац»? – Где-то здесь лежал такой, древний-древний, уцелевший еще с детских времен. Сейчас ставший коротковатым, хотя Артур не сильно вырос.

Внезапно где-то тихо, но нудно зазвенело. Сначала он не понял, что может звенеть здесь, в глухой заброшенной бытовке. Конечно, мобильный. И кто это вспомнил о нем, одиноком грибнике?

Вспомнил, оказывается, Аркадий Натанович, завпроизводством кафе «Гранд Кокет». Такие названия появились в последнее время, возвратившийся модерн. Судя по телефону, Натанович пытался дозвонится несколько раз, но Артур, наверное, не слышал ничего из-за шума мотора. В телефоне осталось сообщение: «Гриба возьму. Но только в течение этих трех дней».

Артур нажал на нужную кнопку.

– Не поздно, Аркадий Натанович? – начал он.

– Какое поздно!.. У нас в ресторане рано. Тут банкет идет, все только разогреваются, – Свое кафе тот называл рестораном. Может, для солидности, а может, оттого, что там работал в советский период своей жизни. Заметно, что Натанович выпил, тоже разогрелся.

– ...Я тебе говорил, – продолжался разговор. – Только белые, боровики. На крайний, рыжики...

– Так ведь весна еще, Аркадий Натанович. Месяц апрель. Рано, да и холодно.

– То поздно, то рано, – пытался перебить Артура дальний собеседник. – Ну, давай хоть сморчки свои. Шантажист! Узнает хозяин, что я, вместо шампиньонов, твои грязные грибы в дело пускаю – убьет! И это не это, как его?..

– Метафора, – подсказал Артур. С трезвым Аркадием Натановичем он иронии не допускал. Завпроизводством «Гранд Кокета» относился к себе серьезно.

– Какая там метафора, – доносилось из мобильного. – Сейчас по-настоящему убить – это пара пустяков. Один пустяк даже. Хоть из-за гриба.

Артур почувствовал, что здесь ему не уснуть. Сейчас показалось, что это так далеко: его город, дом, такой недостижимой стала подлинная постель с подлинным одеялом. Настоящий сон.

«Хватит жизни на природе. Не по силам больше такой здоровый образ жизни».

Где-то звонил колокол церкви. Он услышал этот звон и почувствовал, как сильно замерз. Не сразу понял, что все-таки уснул. Обнаружил, что сидит, прислонившись головой к грибному штабелю. Рядом с лицом пахли грибы, сыростью и как будто глубинами земли.

Показалось, что он задремал ненадолго, но потом заметил – маленькое окошко под потолком бытовки уже светится слабым утренним светом. Спать уже невозможно – так холодно. Ему ничего не снилось, оказывается, он думал во сне, продолжал думать.

Вышел из дачи. Обычного мира не стало, его заменил туман. Густой, плотный. Колокол умолк, только в ушах еще звенело. Вокруг стояла абсолютная тишина, такую ему давно не приходилось слышать. И приходилось ли когда-нибудь?

Проступающее через белую мглу что-то темное сбоку постепенно разделилось на фрагменты и стало размытыми силуэтами сосен. Оставшиеся бесформенными куски темноты, как знал Артур – дома в Осиновом. Самый черный кусок – дом Веньки. Когда-то он горел, но нового дома Венька строить не стал. Бревна кое-как отмыли от сажи, поставили новую крышу из рубероида. Там Венька и продолжал жить вместе с женой Домной.

Доски шевелились под ногами. Артур присел и сейчас умывался, осторожно опуская кончики пальцев в ледяную воду. Туман. Значит, потеплеет. Это сильно не радовало. Тревожно за собранный грибной урожай, за эту вот бытовку, полностью набитую грибами. Так много усилий в последние дни потрачено, чтобы все это собрать, и так много надежд на это возлагалось.

Плевки зубной пасты расплывались в воде белыми облаками. Похоже на какой-то обряд осквернения Ладоги. Даже радовало, что его сейчас никто не видит.

Потом, сидя в кресле катера, он ждал, пока течением его отнесет от берега.

И вот внезапно появившееся солнце театрально осветило все вокруг. Теперь оно просвечивало воду насквозь, прозрачно-коричневую, как бутылочное стекло. Катер шел совсем низко над каменистой отмелью. Отчетливо видны округлые булыжники на дне. Угадывался даже их темно-красный мясной цвет.

Казалось, что он, Артур, уже где-то видел этот камень, что-то архитектурное из него. Его город сложен из всего этого.

На карте между отмеченными крестами подводными камнями прочерчена линия и написано рукой деда: «Конкретный фарватер». Старая финская карта тридцать третьего года, очень точная и подробная. Поперек нее написано «Laatokka».

В бинокле белое пятно. Ближе оно станет большими, бетонными, кажется, буквами, воткнутыми в берег. «Welcome to Valaam».

Никто не думал, что деду уже много лет, и что тот способен умереть. И сам он никогда об этом не вспоминал, будто считал себя вечным. Но вот умер. Умер, когда кооператив держался. Уцелел, стоял крепко и развивался. Раскручивался.

Теперь по правилам необходимо сбавить ход.

Хотя к моменту этой смерти все остальные в кооперативе постепенно отходили от дела. Брат Денис уже учился в Канаде, сестра закончила учиться в Бельгии и там вышла замуж. Они и раньше занимались грибными делами эпизодически, наездами. А потом и маман вышла тоже. За своего толстого Пьера-Альфонса и уехала в Швейцарию. Ее теперь даже звали по-другому, Лилиан. Артур остался один, повелителем и охранителем грибной империи.

Хоженный, перехоженный маршрут. Сейчас появится Шлиссельбург, остроконечные красно-коричневые шпили. Дачки, что так примелькались за столько лет, песчаный карьер. Потом Киров, Павлово, деревни. Давно надоевшие подробности.

«Когда же я до дому дойду!» Потом вспомнил, что дома, как такового, у него почти нет, не осталось.

Повсюду возле воды густо – речные гаражи. Где-то среди них – гараж деда с их старым большим катером внутри. Артур мог бы стать хозяином этого гаража, если бы знал, где тот находится.

Когда-то появится Обуховский мост, он же просто Вантовый. Рядом у берега – рядами белые многопалубные морские лайнеры. Дальше Володарский мост – почему-то его забыли переименовать Мир начнет меняться Город еще ненастоящий: промышленный, бурый, слева появится причал возле завода «Картонтоль» – приходилось там трудиться. У воды – белые пирамиды макулатуры.

«Скорость движения маломерных судов не более восьми километров в час». Таковы правила, но душа Артура следовать этому абсурду не может. Быстрее домой – какие тут могут быть восемь километров. Катер рвется и рвется вперед. Мосты, мосты... Еще мост, будто темный сырой туннель, и еще впереди... Вот появился голубой, будто фарфоровый, Смольнинский собор.

Показалось невероятным – неужели все заканчивается. Уже почти позади его путь, и еще целая неделя такой утомительной грибной возни на островах.

Большая Невка. Здесь тесно стоящие дома, люди, городской шум. Так недалеко до пресловутого ресторана «Гранд Кокет». Как жаль, что нельзя просто причалить к набережной, к ближайшему спуску и по-быстрому занести эти грибы по назначению. Это город – значит условности.

Мосты над головой – один за другим. Едва успевают появляться освещенные участки воды. Штурвал приходится крутить, переключать из одной руки в другую. А сейчас еще больше, чаще – в узких протоках среди Кировских островов. Впереди стал виден Финский залив. Неужели уже все – вон он, его причал.

«Все. Финиш!» – Выключил мотор, словно поставил этим точку. А может восклицательный знак. Удар о причал, и после этого сразу стало теплее. Он встал в катере, утирая лицо, измазанное зябкими соплями. С трудом разогнул скрючившиеся на штурвале ладони, грязные рукавицы снял и выбросил в воду.

До дома еще далеко, сначала предстоял Аркадий Натанович, его заведение возле Сытинского рынка.

Из трюма Артур достал два чемодана, специальные, с тряпичными чехлами внутри, которые легко вынимались вместе с грибным содержимым. Теперь Артур носил грибы в них. Элегантные блестящие чемоданы – это не то, что его прежняя плебейская полосатая сумка, с которой он становился похож на челнока из прошлого. Ко всему, с некрасивой сумкой его задерживали менты, но почему-то только вдали от рынка. Ближе к этому рынку его груз становился легальным. Чем ближе, тем легальнее, по несуществующим законам.

Тщательно оттер чемоданы от лесной грязи и мусора.

«Хороший гриб, – пробормотал Артур, – микоризный...»

Это он готовился торговаться. Еврей из «Гранд Кокета», протрезвев, конечно, сделает вид, будто забыл, что согласился на сморчки. Начнет ворчать, набивать себе цену. В ресторане Артура считали деревенским простаком, говоря по-новейшему, лохом. Как бы, наверное, удивился этот Аркадий Натанович, узнав, что лох когда-то окончил университет и скоро начнет работать в библиотеке театра.

Чемоданы, в которые он пересыпал грибы, получились приятно увесистыми.

Глава 2 Последний выходной

Когда он, наконец, подошел к родному дому, по городским меркам еще продолжалось утро. Чуть больше десяти часов. Из области денег осталось только несколько жетонов на метро – чтобы отвезти чемоданы в ресторан, пришлось потратить последнее. Натаныча на месте уже не оказалось, но по телефону тот обещал, что рассчитается завтра.

Сейчас хотелось только одного – добраться до постели, залезть в нее с книжкой и с ней же уснуть. Теперь по-настоящему. Дома где-то лежал большой двухтомник рассказов Кира Булычева о Великом Гусяре. Артур надеялся, что там еще остались непрочитанные рассказы.

Высокая дверь подъезда, старая-старая, может, еще уцелевшая с дореволюционных времен. Всю жизнь Артур слышал ее скрип, громкий и сложный, почти членораздельный. Дверь будто пыталась пожаловаться на жизнь знакомому.

– Знаю. Все знаю без тебя, – пробормотал в ответ Артур.

Вверху в подъезде ходил по ступеням какой-то старик. Слышно, как он приговаривает что-то странное: «Женюсь. Женюсь».

Потом: «Женюся. Женюся!»

Артур, наконец, понял, что тот ищет и зовет свою собаку. Женьку. Вспомнил, что есть такая в доме.

В почтовом ящике что-то белело. Конечно, опять бумага из налоговой, вызов по поводу их несуществующего теперь кооператива. Уперся в свою дверь – не открывается. Он и забыл, что эта дверь теперь недоступна, после продажи и отчуждения большей части квартиры.

«Отчуждение», – пробормотал вслух. Ну вот, теперь придется спуститься и обойти дом, чтобы пройти через законный теперь подъезд. Бывший черный ход, лестницу для прислуги.

Внутри двора нужно идти через подворотню, длинную сводчатую арку. На той стороне, у выхода кто-то стоял, и Артур будто постепенно узнавал его. У некоторых местных аборигенов это любимый пост – там они стреляют сигареты у знакомых и полужнакомых прохожих. Эту жизнь двора Артур наблюдал из своего окна, сам он в этом месте давно не появлялся.

Обнаружилось, что стоит Алмаз, в детстве приятель и одноклассник. Но этот не курил. Когда все их одноклассники повзростали, выяснилось, что этот всегда простоватый парень еще и болеет редчайшей психической болезнью. Не становится взрослым. Этот не совсем уже молодой мужик остался там, в их детстве.

– А, Артурка! Башмак! Чего несешь? – встретил его Алмаз, с какой-то непонятной надеждой глядя на чемоданы, будто ждал угощения. А может быть, на самом деле ждал?

Это странное имя являлось самым настоящим, не кличкой. Кажется, Алмазов дед был цыганом, и внука назвали в честь него.

Сейчас Алмаз стал мужиком с сизыми, плохо пробриваемыми щеками и в очках с толстыми выпуклыми линзами. За ними моргали сильно увеличенные глаза, в которых отчетливо заметна каждая нехитрая мысль.

– Пустоту, – как-то принужденно произнес Артур. – Нет там ничего. – Не представлял, о чем можно говорить с этим тридцатипятилетним ребенком. А в детстве они общий язык находили. – Вообще-то, за грибами ходил... Скоро лето, гриб можно сушить. – Артур помолчал. – Кстати, я в театр на службу поступил. Библиотечкарем.

– Мы тоже из леса чего только не тащим, – бодро сообщил Алмаз. – В прошлом году Максима нашли.

– Какого Максима? – с недоверчивым недоумением спросил Артур.

– С колесами, железного. Черные копатели мы, – с гордостью объяснил Алмаз.

– Кого ты слушаешь! – послышалось из подворотни. К ним подходил еще один дворовый деятель, Эдик Намылин, по кличке Намыленный. Торопился почему-то.

Он жил в соседнем семейном общежитии, когда-то принадлежавшем Невскому заводу, а сейчас, кажется, никому. В местных кругах известен тем, что активно промышлял наркотиками. Вот появился из-под подворотни на свет, низенький, коренастый.

Этого Артур не видел несколько лет. Вблизи стало заметно, как тот изменился. Будто поблек, мумифицировался, теперь его можно назвать молодым человеком с большим напряжением.

– Ты же знаешь, – не здороваясь, заговорил он, – мы на перешейке копаем.

Артур, вообще-то, мало, что знал о жизни обитателей двора, но промолчал.

– Мы свою работу работаем, – бодро, будто в чем-то убеждая, продолжал Намыленный. – У нас все реально, ботву не гоним. Прошлой осенью блиндаж финский заваленный нарыли. Взялись копать. Пулемет там нашарили, «Максим» старинного образца, еще кое-что по мелочи.

– Ага, финляндский пулемет. Только он уже не стрелял, – вставил Алмаз.

– Молчи, урловой. Неплохую копейку за него взяли, – не останавливался Намыленный. – Сдали барыге одному. Совсем бодрый пулемет, даже краска кое-где осталась. В торфе хорошо сохранился. А если что, тот барыга восстановит, он и не такое мастрячил... У меня еще каска немецкая есть. Не надо? Штык трехгранный. Свиной хорошо им колотить, в деревне колот.

– Нет у меня свиной, – пробормотал Артур. Он отчужденно смотрел вверх, на квадратное серое небо над двором.

– Думаешь, мне на кислоту деньги нужны? – обиженно спросил Намыленный. – Я такого не употребляю. Так, растаманю потихоньку. Косяк забить, пыхнуть слегка – это мое. А по вене не гоняю, – настойчиво повторил он. – И капитал кое-какой у меня у самого есть. В этом году уже нарыл немного. Открыли сезон, ходили копать с Герычем и чуваками из общаги. Сашка Хромой был, Валерка Косой и Толька Дальтоник. И сразу фортануло. Смотри, что имею.

Намыленный достал сильно поцарапанный алюминиевый портсигар с остатками анодированного покрытия, осторожно открыл. Внутри перекатывалась золотая коронка.

– Во, щелкни глазом! – сказал с гордостью. – Видал?

– Золото, – зачарованно произнес Алмаз.

– Зуб ржавый, – с гордостью высказался Намыленный. – Немецкий. Эдик тебе не нищий, не утырок последний. С немца зажмуренного снял. Сам выкопал. Только дешево не отдам, буду жать, пока настоящую цену не получу. Продаю дорого, потому, что покупатели богатые, а Эдик бедный. Сейчас мало, что находится. Все рвут в леса – копать, все уже перекопано. В этом сезоне блиндаж закончим, там еще, наверняка, есть что-то.

– А Артурка в театр поступил, – сообщил Алмаз.

– Первым любовником что ли? – рассеянно спросил Намыленный. – Я тоже в Среднем театре трудился, пока здоровье позволяло. Рулез этот знаю – прогон-перегон, творческий процесс, все дела.

– Ты же в котельной там работал! – с возмущением воскликнул Алмаз.

– Ну да, в котельной самое творчество, – скептически заметил Артур.

Их слова Намыленного вроде бы несколько не смутили.

– А я в театре в библиотеку оформился, – счел нужным объяснить Артур. – Библиотекарем. Стану сидеть там и писать стихи, кроткий, как микроб.

Недавно он решил устроиться на официальную работу, такую же, как у всех – захотелось. И оказалось, что работать Артур желает и согласен только в театре. Служить в театре!

– Я книжный червь, а не грибной, – добавил он. – Не предназначен для работы на свежем воздухе.

Намыленный, похоже, не обратил внимания на его слова:

– Ладно, чуваки, – сказал он. – Пойду я, дел много. Честь имею! – добавил неожиданно.

Артур тоже с облегчением взялся за свои чемоданы. Похоже, что с переменой подъезда возникали новые дворовые связи. Или, точнее, возобновлялись старые.

Лестница, которая, надобно отдать справедливость, была вся умощена водой, помоями и проникнута насквозь тем спиртуозным запахом, который ест глаза и, как известно, присутствует неотлучно на всех черных лестницах петербургских домов.

«Кажется, так у Гоголя?»

Пред глазами ступени, стершиеся посредине от шарканья бесчисленных ног. Может, по таким же некогда поднимался к себе Акакий Акакиевич. Его, Артура, старинный дом.

Вроде, совсем недавно, они, всей многочисленной семьей, выкупали и выкупали комнаты в своей коммуналке, пока полностью не освободились от соседей. Когда-то огромная и запущенная, такая неуютная коммуналка опустела. Намечалась продажа ее, и уже нашелся покупатель. И не кто-нибудь, а Артуров детский друг и сосед по этой же квартире, Сережка Куксенко. Жена его оказалась владелицей собственной риэлтерской конторы.

Каждый в семье Башмачниковых горел нетерпением, готовился обрести отдельное индивидуальное жилье по собственному вкусу. А дед вместе с Артуром намечали купить какую-нибудь большую роскошную, совсем неприступную раньше квартиру. Обязательно на какой-нибудь набережной. Об этом часто говорили. Неужели такое могло осуществиться? Эх, дед! Всегда уверенный в себе и в своих силах, знать не желавший ни о какой смерти. Может, все и удалось бы и даже, наверняка, удалось, но кто-то высоко-высоко вверху, поставленный следить за правилами, заметил и пресек самовольство. Не посчитался с планами, ни деда, ни их, его наследников.

Потом жена Сереги Куксенко все-таки появилась, сошлись на том, что она купила большую часть квартиры. Все Башмачниковы разделили деньги и разъехались по миру. Артуру достались не мельница и не кот, а этот родовой коммунальный угол, и еще немного от общих денег. Те самые, которые удивительно быстро закончились.

Часть квартиры теперь странно называлась «отчужденной». Новые хозяева строили там супержилье, намечалось что-то неестественно роскошное. Своего друга Сережку Куксенко, Артур так не видел ни разу, только иногда слышал в глубинах жилья голос его жены, всегда недовольной тем, что успели сделать.

Вот она, его теперь дверь. Наспех сколоченная из старых грязных досок с висящим амбарным замком. Будто украденная и перенесенная сюда с чьего-то дачного сортира и нелепая тут, в городском доме.

Когда-то в прежние времена здесь находился черный ход для народа попроще. Потом его заложили, а вот недавно нашли и снова «прорубили», по выражению строителей. Индивидуально для него, Артура, для входа в его новое жилище.

Наконец-то он оказался внутри. Сразу стало заметно, бросилось в глаза, что за время его отсутствия в квартире все сильно изменилось. От прежнего длинного коридора, неременного атрибута любой коммуналки, почти ничего не осталось. Только маленький огрызок перед комнаткой Артура. Сейчас и он почти исчез, заставленный коробками, мешками и узлами. Всем брошенном в прежнем коридоре имуществом клана Башмачниковых, его стащили сюда строители. Голоса их, непривычно гулкие, звучали где-то неестественно далеко.

Толстый граненый нож для колки льда пробил один мешок и торчал из него. Сколько лишних вещей появляется, когда изменяется жизнь людей.

Артурово детское еще пианино теперь стояло и будто перегораживало вход на чужую территорию. Оказалось, оно теперь в строительной грязи, цементе и побелке, да еще заляпано белой краской. Сверху на крышку положили кирпичи и мешок шпатлевки.

Прежние коммунальные клетки, стены, двери – все такое, вроде бы, незыблемое исчезло. На той стороне лежали пирамиды щебня и другого строительного хлама. Пол не виден под слоем серой пыли. Той, что проникала к Артуру, проползая под пианино.

Сложилось впечатление, что строители всегда спорят и ругаются, или наоборот гуляют, пьют. Обедают, выражаясь их словами. Но ремонт, оказывается, все-таки шел и даже сильно продвинулся, пока Артур пропадал на Ладого. И сейчас голос вдалеке звучал резко, кто-то по обыкновению явно ругался. Артур решил, что чего-то неправильно построили или, наоборот, сломали, неохотно прислушался.

– Юрке премию не давать! – оказывается, возмущался кто-то. – Он опять воды в магазине купит. Я знаю. Тебе денег некуда девать – дай мне. Дай мне! – Ругавшийся говорил с непонятным акцентом. – Приезжай ко мне в деревню – я тебе ведро воды налью. Ведро! Бесплатно... Ухмах! – непонятно закончил тот.

К Артуру приближался один из строителей, шел вдоль стены, выдирая из-под штукатурки старую проводку. Артур даже знал, как его зовут. Юрка Саяпин. Сибирская фамилия, несмотря на то, что он, как и большинство в бригаде, приехал из Чебоксар.

– Не бывало тут каких-нибудь хороших звонков? – спросил Артур. В ответ на недоуменный взгляд, добавил, – Ну, грибы никто не спрашивал? Не хотел купить?

– Грибы что ли продаешь? Нет, никто не звонил.

– Как теперь на кухню пройти? – опять спросил Артур, хмуро глядя на преграду, на свое пианино. Тряхнул чемоданами.

– Чего, с чемоданами грибы собираешь?

– Пустые они, – уже не в первый раз в этот день с неудовольствием сказал Артур.

И вот он вошел в свою комнату. В темноте по-деревенски пахло сушеными грибами. Запах этот заглушил прежний запах книг. Книжный тлен.

«Я зажег свет, пыльную лампочку, – подумал он. – Она осветила мою бедность... Откуда это? Вроде, из „Театрального романа“ Булгакова».

Загорелась лампочка – не булгаковская, а его, настоящая. Все еще держащий в руке амбарный замок, Артур сел на свой диван. Ложе.

Перед глазами – деревянная точеная этажерка. Такая древняя, что, наверное, и старики забыли, что когда-то существовали такие. Пыльные гирлянды сушеных грибов, висящие под потолком, будто увядшие новогодние украшения. Повсюду вокруг него эти грибы. И множество сложенных стопками вдоль стен книг. Они занимали большую часть этой маленькой комнаты.

Почему-то пришло в голову, что все это – главная мечта его, злостного читателя книг. Спрятаться среди них, в тишине, в одиночестве. Как некий монах-летописец, отец-библиотекарь.

Строительная пыль и кирпичная крошка, как обнаружилось, проникли даже сюда. Особо заметные на рваных книгах, валявшихся на полу. Артур имел такую особенность – устраивать в них тайники для денег, между заклеенных страниц. В самых неинтересных, изотерических, тех, что разносят по домам сектанты-проповедники. Таких больше не осталось – в тщетных попытках найти забытые где-то деньги Артур разорвал их все. Внутренне оправдывал себя, что это, вроде, и ненастоящие книги.

Ныли растоптанные за эти дни ноги. Он сидел, опираясь затылком о стену. За ней, совсем рядом слышались голоса куксенковских строителей.

Прошло время. Артур почувствовал, что остался в квартире один.

Вышел из своей комнаты и пролез под пианино – пересек границу. Шел неведомым теперь путем.

Трудно поверить, что это вокруг – их старая коммуналка. Ничего не осталось, даже в воздухе. Исчез дух прежних многолетних-многолетних человеческих испарений.

Вдоль стены появились колонны, стоящие попарно, на ощупь из какого-то непонятного материала, вроде бы, из пластмассы. И потолок словно бы стал выше, ушел вверх. На нем

теперь возникли какие-то большие дизайнерские пузыри, кажется, из алебастра. Непонятно – не то выпуклые, не то вогнутые – от этого будто нереальные, ненастоящие. Под ногами ощущалось что-то вроде мрамора, сейчас покрытого строительной грязью, известкой и цементом. Под ними тоже нарисованные круги, как на потолке. Что существовало раньше, в коммунальные времена, на том месте, где он сейчас брел? Теперь и не понять.

Как обнаружилось, в кухне только запах и остался. Оказалось, после строителей разжиться нечем. Артур выскреб остатки каши из кастрюли. Набралось две ложки. В раковине нашел картонный пакет с пластмассовым горлышком из-под молока. На столе стояло несколько пустых («Опустевших», – мысленно поправил он себя) стаканов и одна рюмка. В нее он вылил остатки молока. Вылилось ровно до краев. Вздыхнув, выпил.

«Человек без средств. Особое гражданское состояние».

Он сидел за так хорошо знакомым когда-то соседским неприкасаемым столом. Старая кухня – еще сохранившийся угол прежней квартиры. Последний ее оплот.

Позаимствовал чай из пачки, оставленной строителями. С жасмином – такой он совсем не любил. Сыпавшиеся в кружку черные гранулы неприятно похожи на мышинный помет. К чаю на второе с половиной – хлеб со строительской горчицей.

Хорошо, что сохранилось немного картошки, когда-то дешево купленной в Осиновом. Поставив варить ее, Артур специально плотно закрыл дверь, чтобы надышаться целебным паром, выгнать из себя ладожскую простуду. Картофельная баня для городского человека, чуждого свежего вольного воздуха.

Сидел в поту, макал в соль оранжевую картошку, будто солью хотел наестся за неимением настоящей еды.

Совсем рядом с лицом лежащего Артура послышался стук, будто кто за стеной пытался ему что-то сообщить. Стало понятно, какая она, эта стена, тонкая. За ней послышался вой дрели. Внезапно над головой появилась дырка, в ней вертелся наконечник сверла. На лицо струйкой посыпалась цементная пыль.

С той стороны послышалось шуршание – там стенку штукатурили, облагораживали. Там она станет не просто стеной, а частью какого-то интерьера. Лежащий здесь смотрел на древние, много лет неизменные и засаленные до исчезновения рисунка обои. Слышно, как за ними сыплется песок.

Артур обнаружил, что лежит на диване, так и не раздевшись. Извне доносились голоса. Слов не разобрать, но понятно, что один ругается, а несколько других его успокаивают. Мол, и так пойдет. Отчетливо угадывался мат, бодряя утренняя ругань.

За последнее время Артур наслушался строительных терминов и уже стал понимать их. «Поднять кладку», «ложить плитку», «токнуть ебом».

Перебивая другие, послышался женский голос. Вышедший из своей комнаты Артур увидел, что пришла продавец из магазина, принесла еду строителям. Чета Куксенко имела и свой продовольственный магазин.

Сейчас при утреннем свете увидел, какая она большая, квартира единственных теперь соседей, неестественно просторная для советского сознания. Артур пробирался мимо, среди штабелей кирпича и мешков, кажется, с алебастром – каких-то нерусских, с яркими, праздничными почти надписями. Один из строителей, глядя на Артура, сказал:

– Хозяйка тебе галльон отдельный делать не велела. Вот отделимся стеной от тебя, и останешься ты сиротой.

– И куда потом? Во что? – обескуражено произнес, остановившись, Артур. – Все человеческое мне не чуждо.

– Этого не знаю. Хозяйка...

– А хозяйина не видел? – не дал ему договорить Артур. – Серегу?

– Нет. Не был...

– Хозяин этот кормит хорошо, только странный продукт всегда присылает, – сказал другой строитель, высокий, пожилой, с бледно-желтым лицом и темными, будто накрашенными, бровями. Кажется, таджик. – Вот прислал, как его?.. Авокадо. Может, думал, что испорченные?

– Авокадо, – пробормотал Артур. – Или аллигаторова груша.

Заглушая другие запахи, на кухне пахло уксусом. В доме напротив в окне тоже видна кухня, но настоящая, коммунальная. Там кто-то сосредоточенно склонился над кастрюлькой. Даже понятно, что он варит пельмени. Кидает их в кастрюлю по одной штуке, будто считает. Плотный завтрак.

На остатках детской площадки с утра собирались местные наркоманы. По возникшей традиции стояли рядом с чахлым городским деревом с дуплом, заполненным окурками. Намыленный и еще один, Гера Никольский, по кличке Герыч. Так его звали чаще. Сейчас издали особо похожий на певца Шнура, только еще более простоватый лицом. Этот Герыч постоянно торчал во дворе, сидел под грибком на детской площадке, на железном ограждении возле газонов, или торопливо проходил, иногда почти пробежал со своей тростью. Несколько лет назад он покалечился, выпрыгнув с третьего этажа; непонятно, что ему тогда померещилось.

Несмотря на хромоту, постоянно куда-то торопился. Всегда деловитый, озабоченный какими-то своими делами. Еще осенью занял пятьсот рублей и до сих пор не отдавал, ускользал. Занимая деньги, он относился к этому, как к любимой работе, истово и серьезно, не обращая внимания на недовольство своих жертв.

Наркоманы внизу оживленно разговаривали о чем-то, энергично жестикулируя.

«Бодрые уроды!»

Дно жизни. И так близко – тремя этажами ниже.

– Ну, ты чего?! – Недовольно повернулся Артур к чайнику. – Сломался что ли? Ты будешь кипеть или нет?!

Решительно брякая спичками в кармане, Артур спускался в подъезде по лестнице. Вода лежала в пустом желудке, как камень.

– Герыч! Должок. Руку подавать перестану, – выйдя наружу, сразу же выкрикнул заранее приготовленную фразу. Стил, принятый во дворе.

Тот торопливо захромал навстречу, припадая на одну ногу и стуча палочкой.

– Эй, слышь, человек, – это было традиционное обращение Герыча. – Человек! Ну, ты впили, у меня конкретная вешалка. Засада.

– У тебя, наркома, всегда вешалка – одна и та же.

– Ты что, думаешь, мы заширяться хотим, – вмешался Намыленный. – Слушай, есть тема. Вчера бабу привел, – не дал он говорить дальше Артуру. – Все нормально. Утром догадался – очки у нее отнял. Вспомнил про тебя, что ты очки носишь. Бери – цена чисто символическая. Тем более, ты, я слышал, туз нешуточный. У вас вся семья деньги активно лопатит.

Кажется, забыл, что дед Артура умер. Артур, подавленный этим напором, молчал, стоял, злясь на самого себя. Заметил, что Намыленный сегодня в бледно-голубых застиранных джинсах. Явно чужих и, кажется, женских, свисающих на его заду мешочком.

– Джинсы эти тоже забрал, – перехватил его взгляд Намыленный. – Хорошие, мне как раз оказались. Кипешилась та кегля, возмушалась. Затоптать тебя, говорит, надо. Затоптать! Духи у нее выпил.

«Красная Москва»? – зачем-то спросил Артур.

– Нет, французские. Названия не запомнил, конечно...

– Духи лудишь! Быдлярский кайф, – сморщился Герыч. Он тоже с сомнением глядел на джинсы Намыленного. – Да. Жесть, как она есть. Ладно, человек, – повернулся он к Артуру. – Есть, типа, выход. Пойдем.

Не дожидаясь того, что Артур скажет на этот раз, сразу заторопился к своему подъезду: – Пойдем быстрее, у меня дверь в квартиру не закрыта.

Артур торопливо, но неохотно двинулся за ним. Английские ботинки с гладкой подошвой, купленные в хорошие времена, скользили на обледенелом асфальте. Заскользил, заторопился, хотя сомневался, что сейчас получит свои пятьсот рублей.

Не обращая внимания на свою хромую ногу, Герыч скачками поднимался по ступеням подъезда. Сзади особенно похожий на подростка: худой, легкий.

«Подросток с бородой».

Войдя вслед за Герычем в его жилище, Артур почувствовал, как тут сильно накурено. Закрыв дверь и заметил прибитый к ней немецкий «Железный крест».

Герыч снял куртку и бросил ее прямо на пол, в угол. Оказалось, что на шее у него, будто кулон, висит медаль «XX лет РККА». Артур прошел вслед за ним непонятно куда по совсем пустым комнатам. Когда-то в детстве он бывал здесь. Ничего, кроме старинного паркета, мелкого, уложенного елочкой, в этом жилье не осталось. Только в одной проходной комнате кто-то спал на полу, на ложе из какого-то тряпья, накрытый старой черной шубой синтетического меха. Они остановились в последней комнате, в торце дома, с множеством окон.

Тут, прислоненный к стене, стоял саксофон Герыча. Единственно ценная и, вообще, похоже, единственная вещь в этой квартире. Герыч еще подростком выкупил его в скупке цветных металлов и починил. С тех пор не расставался с ним, в одиночку играл вечерами, и ночами тоже. Не продавал, невзирая на другую свою страсть и оборонял от друзей, покушавшихся на дорогой кусок цветмета.

К стене приделан давно знакомый Артуру самодельный аквариум из листов оргстекла, сейчас пустой и пыльный. На дне его лежал маленький комочек чего-то бурого. Может, старый пенопласт? Артур вспомнил, как они с Герой играли в детстве и опускали в этот аквариум куски пенопласта. У них это считалось айсбергами.

– Ты же в бизнесе каком-то, при деньгах? – говорил Герыч. – Что-то лесное, говорят. Лес толкаешь или что...

– Да нет, – пытался остановить его Артур. – Мое ремесло – собиратель грибов. А еще развожу их. Грибовод, в общем... Хотя, думаю менять род деятельности...

Но Герыч не слушал его:

– Тебе, человек, надо в лесу от вражья всякого отбиваться. Рэкет, конкуренция, то-се. Я врубаюсь в эти дела. Есть у меня по этой теме одна полезная вещь.

Герыч достал из щели между батареей и подоконником какой-то тряпичный сверток. Развернул. На руках у него лежал револьвер. Старый, потертый, кажется, системы «Наган».

– Недавно нашел, – объяснил Герыч. – Почистил, оттер, все пучком... Вот ты богатый, так?... – продолжал он. – В лесу полно всяких отморозков, есть и с зоны откинувшиеся и прочие уроды, так? А ты вынимаешь ствол и раз – шмаляешь в воздух! Как в кино. И вся сявота, бакланье это разбегается.

Совал наган, вблизи оказавшимся таким обычным грубым куском железа. Взяв его в руку, Артур ощутил, какой тот тяжелый. Хоть и маленький.

– В общем, ты окусочиваешь меня дополнительно, – заявил Герыч. – Ну, даешь еще тысячу рублей...

– Ты чего?! – возмутился было Артур.

– Даешь, даешь!.. А я тебе этот наган. Повезло тебе: за полторы тыщи такая конкретная вещь.

– Не по сезону шелестишь, – вспомнил Артур подходящий термин. – Как говорил Склифосовский, великий режиссер, не верю...

– Ну, ты точно какие-то глючные грибы добываешь, человек! Такая вещь и даром почти! Действует идеально. Смотри, сейчас ссушеного пацана замочу.

– Какого пацана? – не понял Артур, даже посмотрел по сторонам в недоумении. Наконец, заметил в конце коридора на двери пластмассовую табличку с изображением писающего мальчика.

Совсем внезапно что-то жутко грохнуло. Так, что Артур от неожиданности качнулся в сторону и ударился об стену. Не сразу он понял, что это прозвучал выстрел.

– Ты что, с ума?.. Ну, ты шизоид, – смог заговорить, наконец.

– Гляди, – хвастливо заявил Герыч, показывая пальцем. Пластмассовая табличка раскололась, на месте головы мальчика чернела дыра. – Точно поразил!

Спящий в соседней комнате даже не проснулся.

– Он хоть живой у тебя?

– Наверное. Хрен его знает... – Едва договорив, Герыч опять выстрелил. Вдоль коридора, в дверь туалета. И еще. Выстрелы загревели один за другим, подряд. Спящий, наконец, заворочался, забормотал что-то матерное.

– Это музыкант один из театра, – объяснил Герыч. – Тромбонист.

– Может, из Среднего?.. А-то я тоже... – Артур хотел рассказать, что устроился в театр, но Герыч не дал говорить.

– Когда-то увлекался тем, что кормил голубей, – заговорил он сам. – Высыплю крупы на подоконник и смотрю, наблюдаю в упор через стекло. Так ты напоминаешь мне самого худого голубя. Хромого и бестолкового. Того, что не замечает зерна рядом с собой... Да так, потом перестал, – ответил Герыч на вопрос Артура. – Уж больно окна засираются. Все женщины это замечали, нудели и не давали потом.

Герыч откинул какую-то защелку за барабаном нагана, что-то повернул и вытолкнул пустые гильзы маленьким шомполом. Те раскатились по полу. Вставил новенькие блестящие патроны:

– Семь штук! Смотри, как надо заряжать. Эту херню обратно вверх, а эту хрень спереди поворачиваешь вбок, и все.

– Так сейчас деньги нужны. Только вижу, что не получишь с тебя ничего, – заговорил Артур. – Только это железо.

Почему-то казалось, что спящий тромбонист в соседней комнате прислушивается к его словам.

– Так я тебе про что и тру, – откровенно высказался Герыч. – А может, еще продашь этот ствол кому-нибудь из своих, в лесу. Знаешь, как наваришься!

Артур вышел из подъезда, ощущая в кармане тяжесть нагана. Там будто сидело живое самостоятельное существо, которое еще не признало в Артуре хозяина, и неизвестно, что у него на уме.

«Может, на самом деле пригодится, – пытался Артур утешить себя. Хорошо бы ему дать имя. Как мечу у рыцаря Ролана». Но пока ничего не придумывалось.

Договорились о том, что Артур отдаст тысячу рублей, когда появятся деньги. А он надеялся, что они скоро появятся. Может быть, сегодня.

– Ты давай, быстрее монету подтаскивай, – сказал Герыч уже на пороге квартиры. – Сильно нужны отсиженные. Типа, на лечение организма. Гепатит, блин.

Ярко освещенный плавающий ресторан, из которого вышел Артур, гремел музыкой. По набережной двигался народ, возле Медного всадника, перебивая друг друга, галдели япон-

ские туристы. Как всегда вечером Петербург веселел, становился оживленнее. Чувствовалось, как он постепенно становился летним.

Сейчас этот Медный всадник, протянув руку, указывал куда надо идти Артуру. Как будто он сам не знал.

Грудью так приятно ощущались лежащие во внутреннем кармане деньги. Много денег, почти пачка. Сегодня везло. Удалось даже получить долг за грибы в этом плавучем ресторане, здесь, на Адмиралтейской набережной. Грибы в нем взяли еще осенью, но так и не расплатились, а ближе к зиме закрылись. Теперь вот ожили, возникли вновь.

Сюда Артур шел пешком, от заведения Аркадия Натановича. К счастью – и еще к какому счастью! – тот не обманул, рассчитался. И вчера в его «Гранд Кокете» взяли грибы необыкновенно легко, без обычного ворчания – Натаныч не передумал, что делал часто и с удовольствием.

Высоко в небе был виден рекламный воздушный шар. Сейчас, в сумерках, рисунки и надписи на нем исчезли, остался только серый массивный с виду мешок, почему-то висящий в воздухе. Жутко хотелось котлету по-киевски, горячую, с кипящим маслом.

«И что теперь, в другой ресторан идти, чтобы здесь никого не удивить?» – Вспомнил, что сегодня он ничего не ел, только выпил чаю утром. Голод. Физиологическая паника внутри организма.

Но котлета означала по-ресторанному крупные траты. Хоть деньги сейчас и возникли, но это казалось непереносимым – взять и отдать так много. За эту зиму Артур обмельчал в потребностях.

Он остановился у белеющего в сумерках льва, даже положил ладонь на мускулистый каменный бок.

«Тогда, на площади Петровой,
Где дом в углу вознесся новый,
Где над возвышенным крыльцом
С поднятой лапой, как живые,
Стоят два льва сторожевые...»

Он теперь тоже как-то внезапно стал маленьким человеком, вроде Евгения, который сидел на этом льве. Вот бы Пушкину появиться в этом времени – сейчас, когда возникло так много маленьких людей. Самое благоприятный период, чтобы написать какую-нибудь очередную «Шинель» или «Медного всадника». Не хватает всего-навсего Гоголей и Пушкиных.

«Эпоха маленького человека».

Домой, к остаткам своего жилья возвращаться совсем не хотелось. Артур решил идти к Среднему театру, посмотреть место, где он уже завтра станет служить.

Шел, на ходу жадно затягиваясь сигаретой. Дым казался горьким, и кружилась голова. Этой зимой он курить не то, чтобы бросил, просто перестал покупать сигареты из-за тотального безденежья. Теперь, наконец, дорвался, курил и курил, прикуривая одну сигарету от другой.

Невский проспект все больше заполнялся людьми.

«Ну да, воскресенье. Завтра мне на службу, первый день в присутствии».

Свернул на полутемную Оффшорную улицу. Здесь, на разбитой обледенелой мостовой шел с трудом, переступая через самую накатанную наледь, семенил и иногда скользил в своих английских туфлях, будто на коньках. В стороне от центральных улиц сразу стало ясно, что совсем стемнело, уже почти ночь. Только недалеко от нового здания Валютной биржи ярко светили прожекторы вокруг закрытого деревянными лесами памятника. Ходили слухи, что Чубайсу. Там возились рабочие в телогрейках. Доносился шум, стук отбойных молотков и вой компрессора.

Когда-то где-то здесь находилась пирожковая. Кажется, вот она – вон и вывеска возле двери. Вблизи обнаружилось, что теперь это пивная «Пиво будешь?»

Хотя вывеску сменили и назвали так красиво, с пирожкового периода внутри почти ничего не изменилось. Те же высокие и круглые каменные столы советского периода. И народ явно прежний, а может, другой, но того же стародавнего типа.

Замена еде – пиво и здешняя закуска. Ну что ж, пойдет... Посетители здесь оказались еще зимними, молчали. Артур заметил, что русский пьяница отчетливо делится на зимнего и летнего. Летом народ тут бывал более открытый, Артур немало наслушался здесь прошлым летом.

«Голод – лучшая приправа... Где я это слышал?»

Он взял вино получше – решил и что-то мясное, с дешевым крахмальным кетчупом. Глядя на жующих, машинально подумал, как распознается сущность человека по тому, кто как ест. Вспомнился спектакль, который он видел в детстве. Так хорошо актер Медведев играл там одиночество – при этом всего лишь, молча, ел суп в деревенской столовой. Как же она называлась, эта пьеса? «Прошлым летом в Чулимске», да...

Итальянское вино пахло серой, будто спичечным коробком. Одно окно пивной выходило на оживленный проспект, за стеклом с железным шумом двигались трамваи, шли прохожие. Кто-то стоял у края тротуара, смотрел на другую сторону улицы и почему-то долго никуда не переходил. Вот повернулся и так внезапно, совсем неожиданно оказалось, что это Грибоедов. Невероятное происшествие в этом огромном городе.

Меняющийся свет светофора освещал его лицо. Темнолицый, с седыми бакенбардами, похожий на собственный негатив. Рассеянно и хмуро он глядел куда-то и грыз семечки.

Артур постучал по стеклу, приблизившись к нему, наконец, встретился с Грибоедовым глазами. Махнул рукой, указывая за угол, где находилась дверь в пивную. Грибоедов кивнул.

Хорошо, что появился кто-то, с кем можно поговорить о своем, о грибном. Несколько лет назад этот Грибоедов там, в своей Германии сообразил, как несопоставимо дорого стоят грибы у него в Европе и дешево в глухой российской глубинке. И принялся возить к себе, в Германию сотни и сотни тонн грибов. Так считали на Ладогe, по поводу количества строили самые разные догадки. Артур тоже несколько раз встречался с ним по грибным делам.

– Как тесен мир, – банально высказался вошедший Грибоедов. – Как тебя? Артур, ну да... Похудел ты, но узнать можно.

Сам он, непонятно где, сильно загорел. Сквозь загар проступала нездоровая краснота, от этого лицо его теперь стало темно-бурым.

– Вот, семечки грызу, – как будто оправдываясь, почему-то добавил Грибоедов. – Ни сигарет, ни конфет сейчас нельзя, так я семечки... Тоже вредно, вообще-то.

Артур никогда не знал, как того зовут. На Ладогe к Грибоедову все без смущения так и обращались, по присвоенной ему кличке. Здесь в городе такое невозможно.

Грибоедов снял свою поролоновую ушанку, оглянулся, не зная, куда ее положить, бросил на каменный подоконник.

– Из-за этой пидорки все во мне сразу иностранца признают и удивляются потом, что я по-русски говорю. Вот, торчу в Питере, рефрижераторы свои жду. Они на таможне стоят, пустые – все по вашему обычаю. А я брожу по городу. Вместо, чтоб гулять, как пристало русскому купцу. В джакузи с шампанским вместе с блядьми купаться, или где-нибудь в «Астории» пальмы топором рубить.

– А я сегодня во многих точках общепита побывал, набрал заказов. Наказывали грибы везде, даже в гей-клубе «Сверчок».

– Что здесь подают хоть? – Грибоедов оглядел столы вокруг себя. – Как люблю подобные наливайки. Чтоб чад из кухни, пьяные морды...

Некоторые из посетителей перестали жевать и с подозрением уставились на него.

– В Германии так надоели эти дорогие рестораны, пафос этот дурацкий, – продолжал Грибоедов. – И вообще, восемь месяцев и одиннадцать дней не пил совсем. Там не с кем. – Замолчал, с сомнением пробуя Краснодарское вино. – Дрянь какая, ношенными носками пахнет. Как винодел, даже знаю, какие бактерии причина этого запаха, и названия этих бактерий знаю. Даже по латыни.

Из служебной двери высовывалась какая-то рожа, с непонятной озабоченностью оглядывала зал.

– Эй, человек! – крикнул роже Грибоедов, даже щелкнул в воздухе пальцами. – Давай нам коньяка. Армянский «Ной» давай. Лет пятнадцати-двадцати возрастом. На закуску самое лучшее, что здесь есть. Только не грибы!

– А коньяк – это тебе не вредно? – спросил Артур.

– Вредно. И вообще нельзя... Изменилось у вас многое, – помолчав, добавил Грибоедов. – Игральных автоматов не стало.

– Теперь и казино запретили. Хотели построить новые большие – две штуки на всю страну, да так и забыли.

Появился какой-то пузатый мужик, одетый по-домашнему, в подтяжках, наверное, хозяин. Нес из глубин своего заведения коробку с коньяком – торжественно, держа кончиками пальцев. И даже, явно с целью ошеломить, поставил на стол две массивные серебряные чарки.

– На Ладогу недавно съездил, – продолжал Грибоедов. – Веньку видел. Совсем Венька дикий стал. С возрастом характер тоже портится. Копятся обиды, люди несправедливы. И мне уже пятьдесят пять, с сегодняшнего дня. В пятьдесят пятом году родился и сейчас пятьдесят пять исполнилось. Знаменательный рубеж, можно сказать. Дожил... Да ладно! – Отмахнулся он от поздравления Артура. – Если б я в этот день стал моложе на год, можно бы радоваться. Мне этот возраст не идет. Жаль, что нет такой благоприятной болезни, чтобы от нее молодеть организмом. Я бы обязательно постарался заразиться. Что только в эту жизнь не уместилось... Ты не читал, конечно, такую книжку «Остров», там и обо мне тоже... Когда я на тот остров попал? В семидесятом? В семьдесят первом? Напутал автор много. И то, что я из Петропавловска соврал. Из Южного я... Из Южно-Сахалинска, – Грибоедов помолчал. – Какие люди там, на нашем острове жили. Какие люди!.. Осенью приобрел небольшую яхту, специально. Пошел туда. Далеко это, как раз на границе Японии и Филиппин. Посмотрел на прежние места, прикоснулся... Только уже нету никого из наших, пусто, и почему-то так странно это... Все время кажется, что вот-вот откуда-нибудь из джунглей выйдет кто-то из ребят. Точно такой же, как раньше. А я уже старый. Удивится. А однажды вечером иду по берегу и вижу, словно вдалеке Мамонт стоит. Только замер почему-то, будто задумался. А ближе подошел – нет. Черный он, чугунный. Памятник. Сделали так, будто в трусах спускается по наклоненной скале в море. С ними всеми случилась банальная история...

– Какая?

– Они все умерли. Я последний из тех людей еще живу. Повис, цепляюсь кончиками когтей. Как говорил один из нас, даже они не поднимутся, чтобы принять стакан. Земля не отдает свою добычу.

– Я не то в газете, не то в интернете читал, ведь вам, всем мизантропам, там еще один памятник есть? Общий. Его видел?

– Видал, только там я не похож. – Грибоедов осторожно наливал в блестящие чарки драгоценную жидкость. – А в Германии коньяк – говно. Виски, правда, ничего бывает, но я его не очень...

– Зато у нас сервис, – скептически заметил Артур. – Хозяин, наверное, в соседнем магазине купил коньяк быстренько и вручил с тройной наценкой.

Артур опасался, что, если еще выпьет, обязательно станет хвастаться наганом, сейчас лежащим в кармане. Достанет и станет трясти им здесь.

– А я вот решил, что мне хватит жить, опираясь на эти грибы, – заговорил он. – Как-то прочитал пьесы Уильямса Теннесси, и так они мне понравились, что сильно захотелось связать свою жизнь с театром. Или с литературой. Или и с тем, и с другим. А может, я и сам пьесу напишу. Я в долгу перед своим даром. Кстати, уже вроде как начало стиха. Я в долгу перед даром своим, что это – ямб, хорей?

– Стихи сочиняешь? – без интереса спросил Грибоедов, чего-то жуя.

– Пока нет, не сочиняю. Только названия уже придумал. «Я пью из океана». «Стихи на портянке». Я теперь полуинтеллигент-полукрестьянин. Собиратель даже. Духовный кентавр. Библиотекарь, мореход и агротехник что ли. Теперь в Среднем театре служу, могу контрамарку достать. Устроить, если есть необходимость.

Артур совсем не представлял, как может сделать это, он даже не знал, что это такое – контрамарка. К счастью, Грибоедов отказался.

– У нас так, за кулисами, – продолжал Артур. – Блеск и нищета театра. Волочусь за актрисами. Там такие красивые есть, Регину Табашникову видел?

– Видел в кино. Шикарная баба, толстожопенькая. Чуть ли не Эвелина Бледанс.

Каким-то образом Артур понял, что пора уходить.

– Заканчивается выходной, – произнес он. – Закончился уже. Сегодня утром нужно выходить на службу в театр... Ладно, на Ладого еще поговорим. Ну, давай! Желаю здоровья.

– Желай, желай. Мне бы здоровье пригодилося.

«Итак, домой пришел, Евгений
Страхнул шинель, разделся, лег».

Это он пробормотал вслух, войдя в свой подъезд. До театра, теперь своего театра, он так и не добрался. От коньяка во рту оставался виноградный привкус. Достал из кармана плод киви, он же китайский крыжовник, показавшийся приторно-сладким на вкус, почти, как повидло. В ночном магазине, попавшемся по дороге, он долго выбирал этот киви среди других, щупал мохнатые плоды. Первый фрукт, который Артур съел в этом году.

Жаль, что он так и не договорился с Грибоедовым о том, когда тот заберет его грибы.

Глава 3 Его жизнь в театре

Сквозь сон чувствовалось беспокойство, мешающее спать – ожидание звонка будильника. Давнее, забытое ощущение, и все равно звон раздался внезапно, словно взрыв.

На кухне, как беззвучные тени, замелькали тараканы. За окном темно, будто ночь еще не закончилась. Шел мокрый снег, полз по стеклу. Какой-то осенний снег. Почему-то пришло в голову, что сейчас в особенности безнадежно в армии. Вспомнилось.

Стоя у раковины, брился канцелярским ножом, пока не успел купить ничего более подходящего.

Как ощутимо, что здесь, в Петербурге, под своей крышей, даже такой, можно радоваться и дождю, и ветру. Хоть урагану. А каково в такую погоду на Ладого. Что там сейчас творится?

«Хотя холод – для меня благо. Не испортится на даче грибной сбор», – с этими мыслями он вышел. Предстоял еще долгий, незнакомый пока путь в метро.

Рабочий день в театре начинался поздно, в девять часов. Когда Артур поднялся из теплой подземной глубины и вышел на улицу, до этого срока оставалось еще много времени.

Раньше здесь он появлялся редко. Чтобы убить время, шел медленно, озираясь по сторонам. Старые невысокие дома с выступающей лепниной, однообразно горчичного цвета. Под мокрым снегом на мостовой заметна брусчатка. Совсем гоголевские места, улица казалась какой-то чиновничьей, будто сохранилась неизменной с девятнадцатого века. Особенно сейчас, рано, пока еще не появились машины. Среди постепенно возникающих прохожих Артур пытался угадать своих, театральных. Рядом полно театров: новый ТЮЗ, старый ТЮЗ, балетное училище. Еще какие-то недавно возникшие, о них Артур ничего не знал. «Комедианты», «Мимигранты» и им подобные.

Зайти погреться некуда – все кафе еще закрыты. В окнах уже появлялся утренний свет, белый, люминесцентный. Казенный.

Он проходил мимо одного театра, другого, читал анонсы спектаклей в застекленных ящиках. Вот появился Средний театр. Высокое для этой улицы здание, покрытое зеленоватой штукатуркой, издали, будто заросшее мхом.

Мраморный подъезд, парадная лестница – все такие старинные слова. По сторонам каменного крыльца лежали каменные бульдоги. Один глядел в сторону, другой смотрел прямо, на входящих. Двери над ними, как обнаружилось, закрыты. Артур подумал, что должен существовать служебный вход. Вон он виден за служебными воротами в боковой стене. Проход туда огражден от хозяйственного двора чем-то вроде забора из стальных прутьев, как будто для зверей в цирке. В глубине двора стояли автобусы, бегали мокрые собаки.

Оказалось, что в театре есть проходная, совсем, как на заводе или любой порядочной организации. Вахтер изучил его паспорт, трудовую книжку, куда-то звонил и, наконец, пропустил.

«Хорошо, когда трудовая деятельность заключается в чтении книг. В тепле», – подумал Артур, заходя внутрь.

Здесь начинались древние коридоры с полукруглыми сводами. Ощущалось, какое это все старое, но мощное, толстое, будто высеченное из единой скалы. Здесь он окончательно почувствовал себя гоголевским чиновником.

«Уже не просто иду на службу – иду в должность».

Случайно заглянул в фойе для зрителей – там полированный мрамор, порфир, бархатные портьеры. Вдоль стены – плоские диванчики без спинок. Непонятно, как такое называется? Софа? Может, оттоманка или банкетка?

Немного нелепая уже, устаревшая роскошь. Колонны из какого-то темно-красного камня, давно, впрочем, знакомого, такой часто попадался на озере.

Лестницу, по которой он поднимался, ограждали перила из каких-то завитушек, похожих на чугунный крем. На вершине лестницы стояли бронзовые женщины с электрическими факелами.

«Венчали лестницу, – Сейчас он и думать старался в забытой манере, переводить слова внутри себя на какой-то старинный язык. – Дореволюционный модерн. Архитектурный антиквариат».

Найти библиотеку здесь оказалось сложнее, чем он думал. Хотел спросить дорогу у какой-то женщины, которая, близоруко шурясь, зигзагами шла по коридору, вглядываясь в таблички на дверях. И совсем неожиданно узнал в ней известнейшую, особенно, здесь, в Петербурге, актрису. Такая обычная, такая земная и вдруг актриса.

Опять коридоры. Здесь навстречу торжественно шла какая-то процессия. Впереди, флагманом, кто-то высокий или просто сильно вытянувшийся вверх, с длинными, но жидкими седыми волосами. За ним двигалась свита из нескольких ярко накрашенных старух. Белое, будто напудренное, лицо переднего так хорошо знакомо. Сам великий художественный руководитель Среднего театра Абрам Великолуцкий. Неестественно выпрямившись и даже выгнувшись вперед, тот шел медленно-медленно, похожий на почему-то сошедший с пьедестала памятник. Передвигался, с выражением глубочайшего погружения в свои мысли. Такого погружения и в такие мысли, каких и не бывает.

Старухи, похоже, старались его не обгонять, шли, о чем-то негромко беседуя друг с другом. Некоторые из них казались смутно знакомыми, вроде бы по каким-то фильмам.

Вся это процессия и сам Великолуцкий произвели странное впечатление. Первой мыслью стало, что главный режиссер здесь сумасшедший, так нелепо он выглядел.

«Помпезность», – Ни разу в жизни не приходилось, даже мысленно, произносить это слово. И, тем более, наблюдать наяву, что это такое.

Великолуцкий со свитой прошел мимо прижавшегося к стене Артура. В отчаянии тот спустился в еще одно фойе. Мимо прошли несколько молоденьких танцовщиц в чем-то черном, обтягивающем. Старуха-уборщица перестала шаркать шваброй, с неудовольствием посмотрела им вслед и что-то пробормотала.

«Ходюль. Целлюлитом трясут», – расслышал Артур.

Он снова оказался в служебных недрах, в темных закоулках, если опять выразиться на старинный манер. В каком-то тупике прочитал табличку:

«Может, вот это – „Литературно-драматургическая часть“ имеет некое отношение ко мне?»

За дверью с табличкой, в литчасти, как оказалось, его ждали. Велели зайти туда вечером, к концу рабочего дня. Библиотека, как объяснили, находилась этажом ниже, но недалеко, возле лестницы.

Библиотекой оказалась не слишком большая комната со столами в несколько рядов – немного похоже на класс в школе. Это, наверное, считалось здесь читальным залом. Дальше стоял деревянный барьер, а за ним – стеллажи с книгами.

Оказалось, здесь откровенно накурено. За стеллажами, видимо, существовало еще какое-то убежище для библиотекаря. Оттуда слышался голос, низкий, женский, там явно говорили по телефону:

– Да, дорогая, вы же знаете, как я метеозависима. Да. Да. И вам тоже всех благ. Ну, все, ко мне пришли.

Появилась, затягиваясь сигаретой, сильно пожилая, пожалуй, даже старая дама, массивная, с окрашенными в угольно-черный цвет волосами.

– Вижу, это вы новый библиотекарь, – заговорила она. – Судя по тому, как оглядываете нашу библиотеку. Вас ведь зовут Артур? Башмачкин, кажется? А меня – Октябрина Спарта-

ковна. Вот, вскоре уйду на покой, передам это все вам. Хотя для меня пенсия – будто репетиция смерти. Ах, не спорьте! – махнула она рукой, хотя Артур ни о чем спорить не собирался.

Пальцы этой руки оказались полностью унизанными разноцветными перстнями, только мизинец оставался свободным. Судя по нарядам и манерам, Октябрина Спартаковна не желала признавать себя старухой.

На шее у нее висели крупные янтарные бусы, бархатное ожерелье с какой-то геммой. На гемме – портрет неизвестной женщины. Вообще, висело много всего сложного.

Артур все оглядывался. Стену за Октябриной украшал раскрытый веер, рядом с ним – портреты Пушкина и, кажется, Щепкина. На библиотечной стойке лежала большая толстая и потертая книга. На ней написано одно слово «Грим». Непонятно, кому здесь понадобились сказки, потом дошло, что это не книга немецких братьев, а пособие для гримеров.

– Наше руководство давно требует завести картотеку в компьютере, стыдит меня за наши картонные карточки. Говорит, надо перенести каталог в электронный формат, но я даже не знаю, где компьютер включается. Вы молодой, современный, а я на этот компьютер смотрю, как этот... Неандерталец, – Октябрина говорила, не останавливаясь и затягиваясь сигаретой между фразами. Дым толчками вылетал у нее изо рта вместе с каждым словом.

На ближнем стеллаже плотно, один к одному, стояли тома собраний сочинений. Выцветшие на солнце и теперь все почти одинакового цвета.

Среди них Артур увидел своего обожаемого Мопассана, любимое «огоньковское» издание в двенадцати томах. Как будто встретил старого знакомого.

«Сладкий для меня запах книг».

– А я тут до вас беседовала с приятельницей из костюмерной. Мы задумываем новое платье для меня, – уже откровенничала старуха. – Стараюсь следить за собой, не распускаться. Диету вот подбираю.

– Что-то писклявое от моды? Вы, я вижу, стремитесь к балетным формам, – решился сыронизировать Артур. – К пенсии?

Октябрина басовито хохотнула, якобы удивленная наивностью новичка, принявшую ее за столь юную, только вступающую в пенсионному возраст особу.

– Нет, я давно на пенсии, но вот работаю.

День продолжался, но Артур так и не понял, чем он станет здесь заниматься. Пока только приходилось отвечать на бесконечные расспросы Октябрины. Та тянула из него рассказы о его жизни, признания о нем, о родственниках, о том, что он ест, чем и от чего лечится, с кем «встречается», как она выразилась. Вытягивала и вытягивала, будто пряжа нитку из мотка шерсти, и нитка становилась все длиннее и длиннее.

– Какой профессией вы обладаете? – спрашивала она.

– Я вроде старателя, ловца жемчуга. Только его нет в наших краях. Грибы – мой жемчуг, грибник – моя профессия. Вольный грибник... еще недавно был.

– И что, есть доход?

– Мне платит дань мой грибной народ, племена вешенок, рыжиков и моховиков. Я, вообще-то, из знатной семьи. Дед у меня был главный сварщик сильно большого завода. И родители тоже не из последних.

Октябрина иронии Артура не замечала, все расспрашивала, сколько у него было жен, сколько детей, платит ли он алименты. Тот выдумывал на ходу, что мог. Придумал целый воображаемый мир, в котором действовал другой улучшенный Артур.

– Женат был три с половиной раза. В ЗАГСе уже не расписывают, вообще, больше пускать не хотят... Ну, обо мне неинтересно, – пытался он прервать допрос. – А как у вас дела?..

– Как так неинтересно!.. – немедленно пресекла Октябрина его наивную уловку. Въедливо расспрашивала об Артуровом настоящем и прошлом:

– А старый ваш дед был?

– Да, немолодой. Все говорил, я знаю, когда у меня старость наступила, в сорок шесть лет, вместе с инфарктом. Ему физически напрягаться нельзя было, а он напрягался, еще как... Работы много – у нас в кооперативе обширная грибная плантация. Ну, как плантация...

Октябрине почему-то понадобилось все знать про кооператив.

– Это деда идея, – все не умолкал, вынуждено продолжал Артур. – «Микориза» – так мы наш кооператив назвали. Никто этого названия запомнить не может. Микориза – это...

Микориза Октябрину не заинтересовала.

– Ну а, ну а?.. – с жадностью все расспрашивала она дальше.

– Ну а я остался в родовом жилье, в одной комнате, в коммуналке. Там, где всю жизнь и прожил. Зато теперь соседом станет лучший друг детства, Сергей. В этой коммуналке мы все время друг к другу бегали. Один раз как-то приходит он, – вспомнил Артур, – а у нас на подоконнике жгучий перец в горшке рос. Стручки такие красивые, красные, будто лакированные. Я выходил куда-то и специально ему сказал: только не кусай их, не ешь! Этот перец маленький, он еще вырастет. И только вышел в коридор, слышу крик дикий. Укусил! – Артур умолк, задумался, ностальгически улыбаясь.

Но Октябрина молчать не давала. Потом она особо заинтересовалась замужеством Артуровой матери. Для Октябрины даже понадобился словесный портрет Пьера-Альфонса, и тот, что пытался создать Артур, казался ей недостаточно подробным.

Наконец, наступил перерыв на обед. Несмотря на диеты, к обеду Октябрина относилась серьезно. Артур, наконец, смог вырваться.

В театре нашелся буфет. Непонятно, почему он так назывался – оказалось, что это большое помещение с множеством столов, похожее на спортзал в школе, где Артур учился когда-то.

Потом он стоял в коридоре, смотрел в окно, на хоздвор театра. Кто-то учинил там какие-то зеленые насаждения. Сейчас пока только кучи земли и торфа, присыпанные свежими опилками, наверное, из декорационной мастерской. Оттуда торчали прутики, палки и проволока. Вплотную к забору стоял большой сарай из гофрированного железа – тоже что-то хозяйственное. В глубине двора – большая солидная котельная с трубой. Неужели здесь до сих пор топят углем? Рядом с ней беседка-курилка с кабельной катушкой, вкопанной в землю в качестве стола. За оградой театра видна круглая площадь. Посреди нее на пьедестале сидел какой-то зеленый мужик, вокруг него кружились машины.

Вот это теперь его жизнь.

«Я с юных лет люблю балет, – задумчиво напевал Артур, возвращаясь в библиотеку. – Любой мне танец удавался...»

Остаток обеденного перерыва он просидел у своего теперь стола перед компьютером. Выдвинув ящик, любовался, лежащим там, наганом.

На расстоянии ощущалась заложенная в него сила. Стершиеся щечки на ручке из какой-то древней пластмассы. Как она называлась – карболит? Выдавленная в нем звездочка, с остатками краски. Когда-то и кому-то этот наган хорошо послужил.

Подумал, что дед немедленно стал бы его разбирать, изучать. Объяснять, зачем в нем каждая железка.

Появившаяся Октябрина теперь за барьером смотрела телевизор, передачу «Ретрогеи. Великие геи прошлого».

– Вам, Артур, надо брать пример с геев.

– Вот как?

– Они так хорошо одеваются. У меня много знакомых геев, я много о них знаю.

– Ну, вот из кризиса выйдем, – пробормотал Артур. Удивляло, что в библиотеку до сих пор никто не приходил.

Потом пошел фильм о вымерших доисторических животных. Показывали созданных путем каких-то телевизионных технологий мамонтов, шерстистых носорогов, саблезубых тигров. Октябрина верила телевизору, громко ужасалась.

– Неужели где-то такие звери есть? – иногда все-таки сомневалась она.

– Есть, – врал Артур. Постепенно он понял, что старуха совсем лишена воображения. – А это соплезуб, редкий вид. Сохранился еще в нашем Забайкалье.

Потом Октябрину отвлек звонок из костюмерной, она «убежала». В этой костюмерной все оказались ее старыми подругами, и там она, как выразилась, «строила» себе платье. Вернувшись, взялась вспоминать о прежней жизни в театре и о прежней себе. Про встречи с Володей Высоцким, Кешей Смоктуновским. Как поссорилась с Анастасией Вертинской, с Марианной она, кажется, тоже ссорилась. Похоже, что этим Октябрина даже гордилась.

– Я тогда работала заведующей читальным залом музея МХАТ...

Не останавливаясь, говорила, обмахиваясь страусовым веером. Оказывается, тот служил не только праздным украшением. При этом не снимала меховой шапки с какой-то блестящей брошкой и пластмассовым жемчугом.

– Сильно топят, – пожаловалась при этом она.

Так, под ее воспоминания почти прошел остаток театрального рабочего дня. К счастью, Октябрина помнила, когда он заканчивается. А Артур чуть не забыл, что необходимо еще зайти в литчасть и отдел кадров.

Там забрали трудовую книжку, дали расписаться в нескольких бумагах. Оказалось, его должность называлась «помощник библиотекаря». Низшая форма жизни в театре.

Скат крыши возле окна покрыл выпавший за ночь снег. Аккуратный и ровный слой чистого снега, на нем уже появились следы кошачьих лапок. Какая-то кошка подходила ночью и заглядывала в комнату Артура, в его нору.

В окне дома напротив из-за портьера высунулась рожа, с недоумением уставилась на градусник.

«Снег. Ниже нуля». – Во всем Петербурге Артур, наверняка, единственный, кому это нравилось, радовало. Погода пока еще берегла его грибы.

Он сидел на своем ложе – старом диване, держал двумя руками теплую, будто живую, кружку с чаем.

Потом на кухне долго, не торопясь, мыл грушу; держал ее за черенок под струей воды. Включал то горячую, то холодную, будто закалял.

За окном видно, что снег во дворе совсем затоптали. Мелькали торопившиеся прохожие. Вот появился Герыч. Стоял, будто задумавшись о чем-то, потом перелез через ограду газона и двинулся к окну Артура. Вспомнил.

Махал руками и своей палкой, что-то кричал. Можно угадать что: «Эй, человек! Артурка! Давай кусок. Тыщу, тыщу давай! Обещал!»

Артур старался не обращать на все это внимания, потом не выдержал, подошел к окну. Герыч увидел его, еще активнее замахал руками.

Посмотрев по сторонам, Артур заметил на подоконнике почти опустевшую пачку соды, засунул туда тысячерублевую бумажку. Сняв это в один комок, выбросил в окно. Прижавшись лицом к стеклу, следил, как он падает.

Наркоман сразу умолк, по-собачьи рыская по сторонам, пошел по газону. Вот нашел, медленно захромал прочь, засовывая деньги в карман.

– Мерси-с, – сам себе сказал Артур, глядя вслед уходящему.

Из открытой форточки доносились городской шум и холод. Артур будто окончательно проснулся.

Возвращался в комнату через совсем пустую сейчас квартиру, похожую на плохо подметенный двор. Какой-то искусственный двор под крышей. Жевал на ходу грушу. Сзади оставалась отмеченная темными каплями сока дорожка.

Опять смотрел в окно. Теперь перед домом стоял какой-то пьяный. Качался в стороны, будто и стоять ему было скользко. Сунул в рот окурок и просил прикурить, тянулся к прохожим, даже к юным школьницам. Артур кинул спички в форточку. Алкаш медленно подобрал упавший к его ногам коробок, открыл его и посмотрел внутрь. Потом сунул в карман и, задрвав голову, вопросительно уставился в небо.

«Слабые мира сего... Когда-то их хотя бы жалели. Сейчас это почему-то не принято».

Артур неожиданно узнал в грязной заношенной тряпке, надетой на пьяного, фрак. Вернее, то, что от него осталось.

«Все, что я знаю – это литература. Все, в чем я разбираюсь – тоже она. Единственный мой козырь в жизни».

И тут внезапно вспомнил, что работает в театре, и что будильник сегодня так и не звонил. Резко повернувшись, посмотрел на него. Десять часов четырнадцать минут! Уже! Только сейчас заметил, что еще и не одет по-настоящему.

Непонятно, как он мог забыть о том, где должен находиться сейчас. Тем более работал в театре уже несколько дней.

«Какой сегодня день? Четверг? Пятница?» – наскоро, лихорадочно одевшись, засунул наган за лацкан куртки, за пазуху, совсем, как в каком-то кино, выскочил из квартиры.

Теперь театр стоял перед ним, возвышался даже, как неприступная крепость. И в крепостных воротах засел вахтер.

«Может, попытаться через главный вход и фойе? – Для этого понадобилось бы слишком много везения: чтобы этот вход оказался открытым и чтобы на Артура там не обратили внимания. – Или все-таки рискнуть через служебный? Обмануть, сказать, что еще не устроился в театр. Не удалось пока... Нет, не выйдет».

Неужели нет других способов проникнуть внутрь? Когда он работал на Невском заводе, то перелезал в таких случаях через забор.

Кружась вокруг здания театра, Артур заглянул в открытые сейчас ворота в хоздвор. Там, невдалеке, стояла грузовая машина, с нее что-то сгружали, кажется, продукты.

Такие знакомые по грибным делам ящики. Даже странно, неестественно, что в них не грибы, а желто-синие куриные тушки.

Возле машины стояла, по-видимому, театральная буфетчица. Высокая, еще почти стройная, молодая женщина с непонятной усмешкой глядела на Артура.

– Эй, паренек! – крикнула она. – Помоги курей разгрузить. Или посторожи хоть, пока шофер их в холодильники носить будет.

Разгружавший ящики шофер буркнул что-то невнятно, но явно отрицательно.

– Что я тебе, Мимино что ли? – проворчал Артур. И тут же добавил. – Ладно, давай!

– Какое Мимино? – не сообразила буфетчица.

И вес ящиков оказался непривычным, каким-то неправильным, негрибным. За дверью обнаружился короткий, сильно грязный и затоптанный коридор. Совсем пустой, с грузовым лифтом в конце. Шофер сразу перестал шевелиться, замер. С великой поспешностью Артур перетаскал ящики. Поставил в лифте штабелем. Лифт оказался ветхим, древним, с раздвижной решеткой. Решетку шофер с силой задвинул. Закрылась дверь, лифт с курами, буфетчицей и Артуром сдвинулся и поехал – вверх, в театр.

Артур уже знал, что буфет называется буфетом по традиции. В реальности это частное кафе, даже название у него есть. «Браво». Одно из мелких частиц немалой сети всяких кафе, быстро и прочих харчевен. Подумал, что почему-то часто имеет дело с такими заведениями.

Наверху Артур все-таки не решился сразу сбежать, понес ящики на кухню через обеденный зал. Наверное, так он здесь назывался.

Идущая навстречу помреж Света с удивлением посмотрела на Артура. Сама она несла стакан в подстаканнике с каким-то мутным пойлом. Вроде бы, чаем с молоком, такой употреблял Великолуцкий.

Здесь в конце зала за стойкой обнаружился бармен, спокойно подсчитывающий чего-то на калькуляторе.

– А вот же у вас мужик, – сказал запыхавшийся Артур буфетчице. – Этот чего кур не таскает?

– Он у нас интеллигент, – почему-то улыбаясь, с непонятной иронией ответила буфетчица, – к сырым курицам не прикасается.

– Я экспрессионист, – услышал их бармен. – Кофе-эспрессо готовлю – вот мое жизненное призвание.

– Ну что ж, спасибо, Мимино, – добавила буфетчица. – Может, тебе хоть пива за труды?

Хоть и жаль, но от угощения пришлось отказаться. Торопливо идущий по старинным коридорам Артур отражался в многочисленных, встречавшихся по дороге зеркалах. Зеркала в театре почему-то любили. Самого Артура свое отражение не радовало.

«Человек небольшого роста в старом поношенном вицмундире, – вспомнил он. – Взъерошенный, с какими-то перьями на голове вместо волос. Это тоже цитата из книги или само в голову пришло?»

Где-то вдалеке звучала музыка, по-балетному громко, явно аккомпанируя танцу.

В библиотеке Октябрина ругалась с кем-то по телефону. До сих пор Артур не представлял, что такое возможно.

– Ну что, мой друг бесценный, – встретила она Артура, – а я уже не ждала вас. Вашего появления.

– Ах, Октябрина Спартаковна, мы же богема. Люди театра!

Как ни странно это Октябрину убедило.

Он сразу же двинулся к компьютеру, будто его ждало неотложное дело. Дело все пока заключалось в том, чтобы привести в нормальное состояние электронный каталог – всех авторов выстроить в затылок друг другу по алфавиту. Сделать это Артур мог бы почти сразу, найти в компьютере какую-нибудь программу, но предпочитал возиться вручную. Симулируя тяжелый и долгий труд.

В хореографической труппе сейчас шевеление, сенсация, – заговорила Октябрина. – Все-таки подписали сегодня «Собор Парижской Богородицы», включили в репертуар. В театре работа над ним уже давно полуподпольно идет, и вот сегодня решились. Станем топтать ногами Гюго. Роли еще не готовы, не распечатаны, но Великолуцкий Абрам Кузьмич приказал всем раздать книги этого самого Гюго. И не только актерам, но и костюмерам, гримерам, даже рабочим сцены с осветителями. Как это мудро.

Сейчас Артур заметил высокую стопку одинаковых книг, стоящую на дальнем конце стойки.

– Прошлый сезон оказался неудачным для театра, – продолжала Октябрина. – Плохо афишу составили. Все надеются, что «Собор» все поправит. Ходят слухи, что Великолуцкий решил не ставить классический балет. Хочет сделать нечто среднее между балетом и мюзиклом. Все ждут что-то необычное, феерическое.

Всегда блестящая, эффектная, сияющая красотой Регина меняет атмосферу вокруг себя. Везде, где появляется.

Это Артур отвлекся по дороге к компьютеру, раскрыл какой-то журнал на интервью с балериной их Среднего театра Региной Табашниковой. Смотрел на ее фотопортрет, на такое совершенное, будто ненастоящее, улыбающееся лицо. Не верилось, что она сейчас находится где-то в этом же здании, может, недалеко. Жадно, внимательно вглядывался, рассматривал подробности. Необычно, неестественно (Или наоборот, совсем естественно) белые зубы. Даже язык и небо идеального чистого цвета.

«Уникальное лицо, – подумал он. – Душа будто прямо снаружи его. Может, это и не настоящая душа? Что-то сыгранное, умело срежиссированное».

Другой портрет – она на сцене в костюме черного лебедя.

«У такого тела, конечно, нет каких-нибудь низменных функций. Не то, что у меня».

И обычной жизни у этого создания не может существовать: она не собирает грибы, не ремонтирует квартиры, не пьет водку. Какая она, ее жизнь?

– Считается, что есть драгоценные камни, драгоценные металлы, – решил заговорить Артур. – Даже вина. А про драгоценных женщин не говорят. Мне кажется, что такие есть. И самые драгоценные – это балерины.

Октябрина промолчала.

– Актеры уже заходили, брали книги, – заговорила она невпопад. – Этого Гюго. Слышите, еще кто-то идет.

Оказалось, что это Лаида Бокситогорская из хореографической труппы. Зашла в библиотеку, чтобы выйти в интернет. Большинство актеров только для этого здесь появлялись. Потом почему-то захотела посмотреть на итальянскую киноактрису Джину Лоллобриджиду, ее портрет где-нибудь в журнале.

Может быть, после разглядывания портретов Регины Табашниковой Бокситогорская казалась сильно тусклой, со своей короткой прической похожей на некрасивого мальчика. Под запахнутым пиджаком на ее костлявой груди заметен узкий, как лента, черный атласный бюстгальтер.

«Наверное, она и не знает, что Лаидой когда-то звали дорогую гетеру из Коринфа».

Артур продолжал рассматривать другой журнал с Табашниковой:

«На такое лицо можно смотреть бесконечно долго, как на огонь. По крайней мере, до конца рабочего дня».

Рядом Октябрина и Бокситогорская обсуждали наряды Лоллобриджиды.

– А это, Лаидочка, у нее шифон. Существовала такая ткань... Прекрасно помню, свадебные платья из него шили. Ах, как получалось красиво.

– Жаль, что фотографии здесь черно-белые.

– Может, вы не знаете, – вмешался Артур. – Джина, кстати, снималась в экранизации «Собора Парижской Богоматери» в роли Эсмеральды. Вы поэтому интересуетесь?

Эти слова почему-то не понравились Бокситогорской, она фыркнула, как лошадь. Заметила журнал с портретом Табашниковой.

– Регинка сегодня тоже придет. Хотела, чтобы я для нее книжку забрала – нет уж, пусть сама.

Уходя, Бокситогорская себе книгу Гюго тоже не взяла, забыла. Артур успел рассмотреть ее короткие и крепкие, как у зебры, ноги.

«Натанцованные ноги». Этот фразеологизм он придумал сам, но, оказалось, что поделиться не с кем. Хотя Артур оставался уверен, что в театре эти слова подхватили бы.

– На главную роль рассчитывает, – ядовито заметила Октябрина, когда за Бокситогорской закрылась дверь. Она обязательно давала характеристику каждому, кто покидал библиотеку. – Тоже мне Эсмеральда. Шестой лебедь во втором ряду. Сейчас начнется кипение страстей по поводу – кому, какие роли дадут и дадут ли вообще.

Везде, где она появляется, Регина излучает энергию, – продолжал читать Артур. – Она умна и остра на язык.

Довольны ли вы сейчас вашей жизнью? Хотите ли что-нибудь изменить в ней?

Моя жизнь – это работа. А нам, актерам, работы хочется всегда побольше. Актеры, как дети, любят играть. А когда играть не дают, некоторые истерят. Даже многие истерят, я бы сказала... Мы в театре все больные. С такой силой любить театр, так жить театром нормальные люди не могут. Фанатики мы.

Артур пока не замечал этого. Местные актеры казались людьми самыми обычными, обыденными. А поначалу даже странно казалось замечать на лицах актеров, существ другой породы морщинки, красные жилки и пятнышки. Иногда даже ощущать дурной запах изо рта. Случалось и такое.

Искусство доставляет наслаждение. Возможно, это частица божественного экстаза, оставшаяся после сотворения этого мира.

Как вы умны и образованны. Даже неожиданно умны, можно сказать.

Это не я. Это слова нашего худрука Великолуцкого. Он умный. (Смеется).

Каждому из нас хотелось бы знать, каково это – побывать красавицей. А как вы ощущаете себя в этой роли? Даже, скорее, амплуа.

Ощущаю прекрасно. Наверное, привыкла. Такая роль мне по нраву, и я не собираюсь прощаться с нею лет до семидесяти.

Артур опять включил компьютер, взялся за свой электронный каталог. «Тараканище», – успел набрать он. – Детская опера... Металлиди Жаннетта Лазоревна Стихи Корнея...

Октябрина вышла, Артур опять взялся за журнал.

Вы ведь спортсменка. Дзюдо. Альпинизм. Среди балетных это редкость.

КМС по альпинизму. Только не говорите «скалолазка моя». Мне эти слова так надоели. А я еще в детстве любила всюду лазить, прыгать.

А не страшно наверху?

Обожаю побояться. Мне это нравится. Хотя теперь придется оставить горы на пару лет. Потерпеть. Вы ведь знаете о том, что со мной случилось несколько лет назад.

Конечно. Все об этом знают. О трагедии в 2007 году. У вас ведь произошла страшная травма, перелом ноги. Как состоялось ваше возвращение в театральную жизнь?

Это случилось во время генеральной репетиции «Парижского веселья». Я должна была танцевать Продавщицу перчаток и вот – так и не сумела выйти в этом спектакле. Очень жаль, я ощущала, что так хорошо готова к роли. Мир театра жесток, здесь у всех жесткие локти. У нас не испытывают жалости к павшему. И меня после травмы хотели отодвинуть в сторону. Пытались. Но я совсем не Золушка и не собираюсь никому ничего уступать. Хоть театральные интриги не люблю. В этом я не похожа на других. Вообще, в Среднем нездоровая атмосфера, здесь правят бал злоба, зависть, высокомерие и конкуренция. Даже иностранные артисты сразу замечают это. Появляются в театре, чтобы поработать несколько дней и ужасаются тому, что здесь творится. Коллектив индивидуалистов.

«Неужели здесь такое?» – пока Артур еще ничего подобного не замечал.

...Не стало никакой дисциплины. Капризы актеров, считающих себя ведущими, превосходят все мыслимое, все пределы. Раньше никто не мог и подумать, а не то, что позволить швыряться пепельницами в кабинете режиссера.

Как, в кабинете Великолуцкого?

Ну, что вы!.. Абрам Кузьмич такого никому не позволит. Он просто не впустит к себе кого попало. В театре еще много режиссеров, и это не такие выдающиеся личности, как наш художественный руководитель. Стало бы еще хуже, если бы не он. Просто страшно представить, что могло бы произойти. Посмотрите, что делается в Москве, в Большом театре. Просто «Ласковый май»! Они идут часами, выезжая на Запад. Одновременно действуют по полдесятка групп, танцуют там все кто угодно. Чуть ли не администраторы и уборщицы. Мы еще так низко не пали, но все плохо, очень плохо...

Кто же виновники такого положения в Среднем театре?

А скажу. Это попечители театра. Весь их совет.

Ходят слухи, что Шекспир тоже не являлся автором пьес, которые ему приписывают. Тоже кем-то вроде попечителя.

Наши попечители – совсем не шекспиры. Они не разбираются в искусстве – это им не интересно. Их интересует только прибыль. Я все думаю, а на что они могут пойти ради денег, до какого предела. Наверное, мне это невозможно представить.

Все говорят про ваш прямой и пылкий нрав. Вы просто северная Кармен. Идеально выглядели бы в роли ее. Слышится святотатством, но даже лучше, органичнее самой Плисецкой. Эта роль будто создана для вас, в вас ощущается этот неукротимый дух великой цыганки.

Сейчас покраснею. (Театрально закатывает глаза вверх). Но не отказалась бы ее станцевать.

Вы уже выступали в заглавной партии в «Спящей красавице». Кажется, это первое выступление после вашего возвращения?

Ну да. Если не считать сказку «Перестройка в Солнечном городе». Детский утренник. А «Спящая красавица» – мой дебют после возвращения на сцену. Можно так сказать. И надеюсь еще на много-много ролей. Я по-прежнему на ногах.

Странно видеть на фотографии лицо, которое он, может, увидит в реальности, где-нибудь у проходной театра. Совсем не верилось в такую возможность.

Слышно, как за дверью нервно галдят актеры. Это они спускались по лестнице, шли в перерыв между репетициями в буфет.

На лестничной площадке рядом с библиотекой тоже слышались голоса. Женские. Непонятно о чем они говорили, но один голос Артур уже узнавал. Бокситогорская.

«Вдруг она, Регина Табашникова, действительно, зайдет сюда, – подумал он, глядя на букет из пластмассовых желто-красных листьев в капроновой вазе на подоконнике. – Тогда я мог бы сказать о том, как нелепы букеты осенних листьев, любование старостью и смертью. Заговорить в духе «Мастера и Маргариты». Можно добавить: как лесной человек, я это хорошо знаю... Ну, и дальше что-нибудь интересное о себе.

Он опять набивал информацию в компьютерную картотеку. Набрал: «И. Ефимов. Сталин и Смерть. Камерная опера для баритона, меццо-сопрано и инструментального ансамбля в составе...»

Голоса за дверью смолкли, и вошла она. Оказавшаяся выше, чем думал оцепеневший сейчас Артур. Непохожая на себя в журнале, немного другая, попроще, но она, Регина Табашникова. Настоящее нежурнальное лицо Регины оказалось не таким сияющим, совершенным, как на фотографии, но все равно лучше, потому что являлось живым.

Раздался ее голос, глубокий и по-актерски сильный. Она, конечно, спрашивала что-то о книжке, о «Соборе».

– Извольте взять, книги вон на стойке, в наличии, – нелепо и как-то архаично начал он. Вроде бы пошутил. Попытался шутить. Может, для того, чтобы обратить на себя больше внимания. Сидел, пытаясь застегнуть несуществующую пуговицу на воротнике рубахи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.